

Декабрь 2

Василий Панфилов

Василий Сергеевич Панфилов

Детство 2

Серия «Россия, которую мы...», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67284720
В. С. Панфилов. Детство 2:*

Аннотация

Жизнь продолжается, яркая и удивительная, полная новых впечатлений и приключений, от которых иногда подрагивают коленки и снятся кошмары. Но ГГ не вчерашний мальчишка-сирота, а закалённый уличный боец, встречающий опасные сюрпризы холодным прищуром синих глаз, уклоном... и левой боковой в челюсть!

Осознание прошлого и тяжёлый опыт, неизбежный после жизни в трущобах, смешались воедино, и теперь в душе Егора причудливо переплелись идеализм из прошлой жизни и цинизм из настоящей. Гремучая смесь, заставляющая ГГ совершать ПОСТУПКИ.

Спокойной жизни не будет... да не очень-то и хотелось!

Содержание

Пролог	5
Первая глава	9
Вторая глава	19
Третья глава	29
Четвёртая глава	39
Пятая глава	55
Шестая глава	67
Седьмая глава	78
Восьмая глава	91
Девятая глава	101
Десятая глава	111
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Василий Панфилов

Детство 2

Василий Сергеевич Панфилов

* * *

Пролог

– Государь изволит гневаться, – Бесцветным голосом сказал Сергей Александрович, стоявший у открытого окна с заложенными за спину руками. Повернувшись неторопливо, Великий Князь смерил московского обер-полицмейстера холодным взглядом, от которого у Дмитрия Фёдоровича едва не застыла кровь, и еле заметно приподнял бровь.

– Пустяшная безделица, Сергей Александрович, – Начал было мигом взмокнувший Трепов, – рядовое по сути происшествие, пусть и неприятное. Постоянно...

– Рядовое? – Холодным тоном прервал московский генерал-губернатор, и генерал вытянулся по стойке смирно. Привыкший к снисходительному отношению патрона, обер-полицмейстер проникся сейчас едва ли не до судорог в конечностях.

Некстати вспомнился Трепову незадачливый предшественник на этом ответственном посту, Власовский Александр Александрович, без малейшей жалости брошенный Великим Князем на растерзание сперва суда, а затем и общественности, едва только потребовалось найти виноватого в происшествии на Ходынке. А ведь тоже, казалось бы, любимец... Уволен без прошения и пребывает ныне в позоре.

– Рядовое происшествие, – Продолжил Великий Князь, убедившись в действенности разноса, – не вызывает в народе

столь живого и бурного отклика. Это не жалкая карикатура и не дурно сочинённый пасквиль.

– Враг! – Великий Князь стремительно шагнул к побелевшему обер-полицмейстеру, – Умный и расчетливый враг. Казалось бы – мазня, дурно пахнувшая карикатура! Ан нет! Гора трупов под ногами этого... этой нелепой пародии на Государя, нелепая пляска на них и корона, связала воедино в сознании обывателя коронацию и это... эту нелепую трагедию. А слова? Один к одному подобраны, въедаются в самую душу. Нет, Дмитрий Фёдорович, это умный и опасный враг.

– Да, Ваше Императорское Высочество, – Выдохнул генерал, – враг!

Сергей Александрович взгляделся ему в глаза и кивнул удовлетворённо. Проникся.

– Ступайте, Дмитрий Фёдорович, – С привычной мягкостью сказал Великий Князь, но Трепов уже не обманывался этой деликатной снисходительностью. Козырнув, он неловко развернулся всем телом, застывшим будто после долгого стояния на морозе, и вышел.

За дверью он позволил себе немыслимое – ослабил ворот, чувствуя явственную нехватку воздуха. Обошлось. Чуть переведя дух, обер-полицмейстер вышел и, не обращая ни что внимания, сел в экипаж. В голове раз за разом звучали слова Великого Князя и его вымораживающий взгляд.

Велев никого не пускать, Трепов разложил злополучную

холстину на столе, пытаясь подметить пропущенные детали, какие-то мельчайшие штрихи.

– Верёвка! – С видом Архимеда негромко вскричал он, прищёлкнув пальцами, – Ещё один символ! Жерди из осины и петля на дереве – прямая же отсылка к Иуде! Символ предательство и позорной смерти.

– Так... – Генерал задумался, – в таком роде подбор самых простых и дешёвых красок становится символом! Не распространённость и дешевизна материала, а именно символ некоей «народности». В таком разе и нарочитая примитивность рисунка может быть...

Трепов встал и прошёлся вокруг стола, так и этак оценивая чертов плакат.

– А ведь и в самом деле, – Чуточку неуверенно сказал он, – чувствуется некий примитивный, но всё же стиль. Как их там...

Вспомнить новомодные течения живописи обер-полицмейстеру не удалось, но это его совсем не расстроило. Известное дело, кто у нас с символами играть любит!

Не только и даже не столько масоны, вопреки общепринятому заблуждению, но число таких людей невелико. Если не они сами, так их родные и близкие, так или иначе причастные к подобным развлечениям. Словом, вычислить можно, если только эта гадина не затаится!

Обер-полицмейстер засмеялся негромко своим мыслям, сбрасывая остатки недавнего оцепенения и какого-то инфер-

нального ужаса. Затаится?! Не те это люди, не те! Подобные громкие акции совершают ради славы революционеров и ниспровергателей, пусть даже и в узких кругах.

Сейчас организатор и исполнители ходят, замирая от сладкого ужаса. От того, что их акция получила столь неожиданно громкий общественный резонанс, они в восторге, вот желание «пострадать»... с этим сложнее! Слишком уж громкой вышла акция, слишком велико недовольство Государя. Творческие натуры не отделаются почётной ссылкой и признанием общественности!

* * *

– Никак вспоминает кто?

– Пустое! – Подавляя икоту, подхватываю узел и проскакиваю под колёсами стоящего на путях вагона. Следом за мной проскочил Санька, опасливо переводя дух.

– Ну всё... ик! – Пхаю его в плечо, – Прибыли! Теперь нам с вокзала убраться чисто – так, чтоб полицейским на глаза не попасться, и полдела сделано! Ах, Одесса, жемчужина у моря!

Первая глава

Молдаванка отзывалась во мне странным чувством узнавания. Вот ей-ей, будто домой вернулся! Не в деревню и не... а так, просто тёплышко на душе.

Посмотришь, так чуть не трущобы, ан приглянёшься по-лучше, так и нет! Нет тово чувства безнадёги, как в переулках вокруг Трубной площади.

Вроде такие же невысокие домишки, редко выше двух этажей, и вросшие иногда в землю по самые окна. Кривые переулочки, перегороженные в самых неожиданных местах то сараем, то забором, а то и стеной дома. Человек сторонний в таких вот улочках заплутается безнадёжно, и если будет надобно, то и с концами.

Схоже, но не то! Акации ети, жаркое солнце, бьющий в голову запах моря, кажущийся отчево-то родным.

В памяти внезапно всплыло, што жил я уже у моря! Жил, работал, учился, любил... Чуть не лучшие воспоминания! Другое море, в другой стране далеко-далеко отсюда, но вот ей-ей, здорово! Родным будто пахнуло.

И люди! То ли от тёплышка и чуть не полугодишного лета, то ли от тонких ручейков контрабанды, нет ощущения угрюмости и обречённости, как в Москве – хоть на Трубном, хоть на Хитровке.

Видно, што в большинстве небогато живут, но в глазах

уверенности побольше и надежда на лучшее. Чуть теплее климат, чуть больше возможностей выйти в люди – да хоть бы и через контрабанду, и вот плечи расправлены даже у распоследних оборванцев, а глаза смотрят с етаким намёком на вызов.

– ...тётя Песя? – Прохожий, высокий чернявый мужик, заросший густым чёрным волосом чуть не с самых глаз до неприлично расстёгнутой до середины груди рубашке, с отчётливым металлическим хрустом почесал щёку. Осмотрев затем крепкие, чуть желтоватые от табаку ногти, задумчиво поцокал языком.

– Песса Израилевна, – Повторяю терпеливо, – которая двоюродной сестрой аптекарю Льву Лазаревичу, што в Москве.

– Это вам... а! – Махнул тот рукой, – Пойдёмте! Чужие здесь ничего не найдут, а Семён Маркович... да пошёл он в жопу! Мне можит интересно!

Мужчина с места рванул так, што нам за ним пришлось поспешать мало не трусцой, время от времени переходя на бег.

– Яков, – Бросил он нам, на ходу, чуть обернувшись, – Яков Моисеевич Лебензон!

Наши имена он уже знал, а ответных «рады знакомству» слушать не стал. Почти тут же мы нырнули в какой-то маленький дворик колодцем, посреди которого росло раскиди-

стое духовитое дерево со страховидными колючками, а на подвешенных к одной из ветвей качелях раскачивалась сонная лупоглазая, чернявая девочка лет пяти.

– Утречка, Пенелопа! – Гаркнул ей Яков Моисеевич, не сбавляя шаг, и не дожидаясь ответа, тут же открыв дверцу какой-то сараюшки, где оказался вход в соседний переулочек.

– Шалом, Фирочка! – Так же крикливо поздоровался он с выглянувшей из окна не старой ещё тёткой с избытком волосатых подбородков, – Вот, мальчишки от Лёвы!

С минуту они очень громко тарахтели на непонятном языке, вставляя иногда русские слова, затем Яков Моисеевич резко сорвался с места, почти ту же нырнув за угол. Снова пробежка, и наш провожатый тормозит так же внезапно.

– Кириэ Автолик! – Затем быстрая-быстрая речь с упитанным пожилым мужчиной, здоровски похожим на Лебензона, но...

Нет! Не родственник, точно не родственник! Наверное.

... и снова мы бежим трусцой.

– Он нас никак кругами водит! – Пропыхтел Санька несколько минут спустя, буравя спину Якова Моисеевича недобрым взглядом.

– Может и так. Поздороваться решил со знакомыми и сродственниками, а мы так, рядышком.

– Ну да, – Кисло отозвался дружок, – тока я себя мартышкой на ярмарке чую!

Снова пробежка вдоль низеньких, вросших в землю до самых окошек домиков, стоящих если не вплотную, то где-то около тово.

– Вот, – Лебензон влетел под неширокую арку с облупленной штукатуркой, и снова затормозил – так, што я вцепился ему в спину.

Подхватив рукой за шиворот, Яков Моисеевич поставил меня рядом, и не отпуская, начал орать:

– Песя! Песя! Спускайся давай вниз, рыбонька ты моя подкопченная! Мальчики из самой Москвы с приветом к тебе спешили! Песя! За ногу тебя, да по ступенькам!

Выпутавшись из цепких рук нашево провожатого, давлю лыбу и махаю рукой чернявым мужчинам, играющим в карты за столом почти посередь двора, под раскинувшейся на весь простор шелковицей.

Вот же! Будний день, самый полдень, а столько бездельников! Впрочем, чево ето я? Сам не без греха!

А ничево так домик! Колодцем идёт, в два этажа. Облупившийся сильно, но видно, што ещё крепкий. Поверху и понизу веранды деревянные кругом идут, без перегородок, сплошняком. Посередь двора то ли колодец, то ли вход в катакомбы, а может и всё сразу. Сараюшки по углам, и оттуда же тянет отчётливо запахом нужника.

– Што ты мне начинаешь! – Визгливо донеслось откуда-то снизу, и откуда-то из-за сараев начала подниматься... голова?! Ф-фу... чуть не опозорился, а тут всево-то баба из по-

гребя подымается!

– Я всё понимаю, но не до такой же степени орать!? – Сказала недовольно пухлая не сильно молодая женщина, почти што симпатичная, если бы не крупный нос крючком и склочное выражение на потном лице, – Ты ещё пройдишь по всей Молдаванке, как зазывала из шапито, а потом и на тумбу объявления наклеи!

– Приехали и приехали! – Продолжила она, вытирая пахнувшие рыбой руки о нечистый передник, позабыв о висящем на плече полотенце, – Лёвочка в письме всё расписал. Довёл? Педаль теперь отсюда!

– Дайте людям таки сделать мнение! – Прервал начавшуюся было свару один из игроков, сняв моднюю кепку и протерев покрытую бисеринками пота загорелую лысину платком, – Лев там как? Всё такой же законопослушный?

– Не так штобы ой, но таки да, особенно когда ему ето ничево не стоит.

– Никак из наших? – Заинтересовался внезапно он, вглядываясь мне в лицо близоруко.

– Для полиции таки да, – Вмешалась тётя Песя, – штоб они были здоровы, холеру им в глотку! А так не очень. Пойдёмте, пойдёмте! Комнату покажу.

– Щикарные условия, – Агрессивно напирала на нас пышной грудью тётя Песя, заведя в тёмную комнатку с окнами под самым потолком, – где вы ещё найдёте такие царские апартаменты?

– В любом холерном бараке, – Отозвался от входа Лебензон под гыканье наблюдающих спектакль картёжников.

– Ты что здесь забыл? У, полудурок! – Женщина замахнулась висящим на плече полотенцем, но как-то привычно, без злобы.

Сговорились быстро, отчево картёжники даже переглянулись етак многозначительно, но смолчали. Двадцать пять рублей отдали за молчание полиции, а за самую комнату сторговались по три рубля в неделю вместе с питанием.

Я когда в Одессу засобирался, цены узнавал помимо Льва Лазаревича. Так што не мёд и мёд, но вполне так и ничево. Комната маленькая, тока-тока на два топчана место, стол со стульями, полки над топчанами, печурка да место на развернуться.

В Москве да Питере запросили бы ничуть не меньше, так што вроде как и дорого за Одессу, но зато с питанием с одного с хозяйкой стола, ну и стиркой заодно, так што и не очень. Можно бы и чуть подешевле найти, а может даже и ничуть, но тут уже документы потребовались бы. Нормально!

Заплатил при свидетелях за десять недель вперёд. Не то штобы ето поможет, если что, но хоть так.

– Помыться вам с дороги, – Засуетилась вокруг разом по добревшая хозяйка, припрятав деньги за пазухой, – да и за стол скоро! Про Лёвочку расскажите как раз, как он там!

Из сарая принесли жестяное корыто, а воду на помывку выделили скупю, не по-московски. Ну да Лев Лазаревич пре-

дупреждал о том, плохо здесь с водой! Со всем хорошо, особенно с морем, фруктами и холерой, а с водой плохо.

Помылись, поливая друг дружку тонкой струйкой, смывая угольную и дорожную пыль. Не так штобы очень вышло, без бани-то, но хоть за стол сесть можно.

Оделись в чистое, сложили грязное бельё в узел, разложили пожитки по полкам, да и вышли во двор. Санька ощутимо робел, отчево помалкивает, но бычит упрямо лоб, склоняя чуть голову, как перед дракой. Пересиливает себя, значица.

– Здрасте вам, – Сымаю кепку перед новыми лицами во дворе, чуть не десяток новых. Любопытствующие, значица.

– Из Москвы? – Поинтересовалась бойкая прехорошенькая девчонка лет десяти, с совершенно иконописным ликом и бесенятами в глазах.

– Из неё самой.

– А ты из наших или как? – Тёмные глаза распахнуты и ресницами так хлоп... длиннющие!

– Мы с Санькой из своих, – Отбрёхиваюсь я, – но если очень надо, то хоть из наших, хоть как, хоть совсем даже наоборот!

– Мальчики! – Позвала сверху тётя Песя, – Бросайте их и идите сюда, да только одни, без попутчиков!

– Наше вам! – Снова раскланиваюсь, а Санька повторяет за мной, глядя на местных немигаючи. Чистый василиск! Не знать, што робеет и стесняется, так и сам перед таким заробеешь!

– Туда, – Ткнула тоненьким пальчиком глазастая в сторону ведущей наверх лестницы, и пошла с нами.

– Тётя Песя сказала – без попутчиков, – Мягко останавливаю её, не желая ссориться с симпатишной, пусть даже и маленькой, девчонкой.

– Кому тётя, а кому и мама, – Фыркнула та независимо.

Стол накрыли прямо на веранде, и за ним уже было трое мелких кудрявых мальчишек, молча глазеющих на нас с Чижом.

– Садитесь, садитесь, – Суетливо захлопотала вокруг потная от кухонного жару тётя Песя, – я сейчас!

Она метнулась на кухню и принесла огромную сковородку с мелкой рыбёшкой, принявшись накладывать на тарелки.

– Бычки, – Пояснила она, – Мелочь, но вкусная – если правильно приготовить. А я правильно умею! И Фирочку учу. Всему учу, что правильная еврейская жена должна уметь – готовить, шить и не слишком выносить мужу мозг!

Бычки оказались чем-то вроде морских пескариков. Вкусно! Хотя Санька и ворчал негромко, што пескари они есть пескари, и за еду такое не считают, рази только в голодный год. Но распробовал, и потом умял чуть не половину.

А вот икру баклажанную он решительно отодвинул подальше, позеленев лицом. Я принюхался осторожно, попробовал... ничево так! На вид так и не очень... скорее даже очень не очень, а так даже и есть можно.

«– Мама готовила!» – Ворохнулось внутри неожиданно, я

по-новому посмотрел на тётю Песю.

А может, я действительно тово? Из их, пусть даже отчасти? А... пусть! Даже если и так, то какая разница?

– Форшмак, форшмак! – Суетилась тётя Песя, – Фирочка готовила!

– Очень вкусно! Хорошая когда-нибудь жена из тебя получится!

Девочка покраснела, но независимо фыркнула, потряхнув кудрями.

– Вкусно, – Повторил Санька, – и ето... где бы у вас руки помыть? Ну и вообще!

– Хороший мальчик, – Задумчиво сказала Песса Израилевна, глядя вниз.

– Не из наших! – Отозвалась соседка Роза Марковна, подошедшая на поговорить.

– И шо!? – Фыркнула Песса Израилевна, упирая руки в бока и готовясь к скандалу, – Мальчик умный! Умный, Роза! Льва в шахматы обыгрывает, ты такое видела?

– Ну, Лев не великий шахматист, – Сбавила обороты соседка, задумываясь, – хотя да... Права ты Песя, ой как права! Лучше умный гой в мужьях, чем поц родных кровей!

– Вот!

– Мать невесты уже согласна, – Фыркнула не имеющая дочерей Роза Марковна, – осталось уговорить сперва невесту, а потом и самого жениха!

– Я тебя умоляю! – Песса Израилевна глянула на соседку с видом человека, познавшего истину, – Лето, солнце, море, романтика! Возраст пока не брачный, но первая любовь не забывается.

– Главное, – Веско добавила она, подняв палец, – чтоб не сорвался!

Вторая глава

Сев на топчане, сбил пальцами на диво крупново и наглово таракана с ноги и потянулся от всей душеньки, почти беззвучно зевая. Выспался, кажется, будто на неделю вперёд.

Вымотались мы всё-таки с Санькой, под вагонами и на вагонах ездючи. Это только кажется, што лёг себе в собачий ящик, да дреми себе всю дорогу, ан хренушки! На стыках подбрасывает, бока отбивая, да как станция, полустанок, мост или разъезд, то в оба глядеть надобно, а то железнодорожники обходят ведь вагоны! Влететь можно так, што вплоть до полиции, а оно нам надо?

На вагонах сверху тоже не шибко тово. Оно конечно повеселей, виды-то какие! И воздуха побольше, пусть и пополам с угольной копотью. Когда тянется дымный шлейф ровно взад по всем вагонам, то опперхаешься весь, и рожа чёрная делается, как у негры. Да наверху и не поспишь, если умишка мал-мала имеется. Опасно!

Вот так вот и получается, што вроде лёжа да сидя чуть не десять дней путешествовали, а сна нормальново и не было.

Пообедали вчера, да как насели на нас местные! Што да как, да как там Лев Лазаревич, да Хитровка вообще, да как мы сами. Уу! Не заметил, а выболтал куда больше, чем хотелось бы. Вроде и не деревенский мальчишка, который по городу с открытым ртом бродит попервой, а всё едино, раз-

говорился.

О само важном смолчал, канешно. Попаданство там моё, денежки у учительок и прочее. Но и так лишнево наговорил, а Санька и подавно – всё превсё о нашей деревенской жизни! Ни о чём не умолчал, даже деревенских забияк и злопыхателей как есть обрисовал. Но то ему не в вину, сам не шибко лучше.

Поездка ета, да воздух морской, да расспросы. Так и не добрались вчера до моря, хотя планы какие были, у-у! Поужинали, да еле-еле до подвальчика своего добрались. И ничево не мешало – ни разговоры с песнями во дворе сильно за полночь, которые сквозь сон иногда слышал, ни духлый и сырой подвальный воздух, ни блохи кусучие. Выспался!

– Утро? – Сонно спросил Санька из-под тонкова одеяла.

– Оно. Да ранешнее совсем, тока-тока солнце всходит. Спи!

– Не! – Взъерошенная голова друга высунулась из-под одеяла, – Ни в едином глазу!

Сбегали к нужнику, умылись, да и штоб время не терять, разминаться начали. Составили топчаны один на другой, стол и стулья отодвинули, вот и место мал-мала появилось. Не так штобы много, почти впритык, но во двор выходить не хочу. А то шапито какое-то выйдет. Впервые на арене, ети!

Суставчики да связочки прокрутили, я тока разогрелся, а Санька запыхался малость, потому как не привык ещё. Там,

где мне разминка, ему устать хватит.

Ну и занялись гимнастикой – Чиж чем попроще, а я всё больше такой... не то чтобы акробатикой, но рядышком.

На руки встать у стеночки, да поотжиматься вниз головой, потом попрыгать вверх из глубокова сида, ну и всё такое же. Хорошо позанимались! Не то што до пота, а чуть не до пены!

– Ой! – Послышалось от окошка, – а што это вы делаете? Вы цирковые, да? А почему не сказали? А я тоже так хочу!

Фирка отскочила от окошка и сбежала вниз по ступенькам, к нам в подвальчик.

– А ещё покажи! – Затеребила она меня, – Ну, как назад прогибаешься, головой до пола! Пожа-алуйста!

И глазами – хлоп!

Ну, думаю, ладно, малявка надоедливая! И показал, значаща – как на мостик становиться могу, да как на руках ходить, на шпагаты всякие. Опомниться не успел, как сперва сам показал, и вот уже учу девчонку на мостик становиться. А ничево так, гибкая! Привычки нет, ето видно, но гнётся как та лозина!

Санька в сторонке сидит, да ухохатывается, дразнится!

– Жених и невеста!

– И што? – Остановилась Фира, – Завидно?

И язык! Розовый.

– Ну...

– Фира! – Закричала сверху тётя Песя, – где ты там запропала? Тебя послали мальчиков за завтраком позвать, а не к

рыбакам за уловом!

– Сейчас! – А голосок-то какой звонкий! Ажно в ушах перепонки чуть не лопаются!

– Ой, я снова? Прости! – Тронула она меня за руку и выскочила во двор, – Забыла! Меня Егор учил цирковому всякому! Получилось!

– Цирковое ей! Ой-вэй! Не девочка, а позор почтенных еврейских родителей!

Пока они там препирались привычно, перебудив всех, кто ещё не встал и втянув их в свою свару, мы умылись наскоро, да и поспешили наверх.

– Суп фасолевый с картофелем, – Захлопотала тётя Песя вокруг нас с половником. В этот раз накрыто не на веранде на кухне. Тесновато чуть, но ничево так, уютственно! И не жарко, потому как солнце с утра не распалилось ещё.

– Вкусно! – Одобряю я, наворачивая по всем правилам этикета.

– Поняла, Фирочка? Мужчина любит сперва глазами, а потом желудком! Но если не наполнить желудок вкусно и полезно, то глаза будут искать это вкусно на стороне. А если у мужчины вкусно полон желудок и не выедается мозг чайной ложечкой, то ничего ему больше и надо!

– Ма-ам!

– Помамкай мне тут! Ешьте, мальчики! А то знаю вас, небось на море пойдёте?

– Угу!

– Детвора! – Тётя Песя высунулась на веранду, – мальчишки московские потом на море пойдут! Кто хочет, давайте тоже!

– И компания будет, – Пояснила она нам, засунувшись обратно, – и не заблудитесь.

Спустились после завтрака во двор и присели за стол под деревом. А вокруг носятся, переговариваются на своем, орут и мало што не дерутся.

– Шебутные какие-то, – Пробормотал Санька, глядя на этот хаос.

– Агась! Переезд дурдома!

Посмеялись, но всево через пять минут возглавили эту цирковую процессию. Сколько там, кто... один Боженька знает!

Детвора от семи примерно, до тринадцати. Сутулый такой дрищотик, у которово уже волос вовсю растёт. Я думал, ему шестнадцать минимум, а тока-тока тринадцать, оказывается! Порода такая, шерстяная.

Всё ето шапито галдит, шумит и растекается по дворам и подворотням, собираясь обратно, вот ей-ей, не всегда тем составом! Половина сменилась, никак не меньше! Мы по-первой впереди были а потом в серёдке. Шествуем, как цирковые слоны, только афиш на боках не хватает.

– А! – Махнула рукой Фира на мой вопрос, – Как обычно! Молдаванка, вокруг свои да наши. Живём бок о бок, в одну синагогу ходим, попереженились меж собой. Плюнь!

Почти тут же она продемонстрировала, как надо плевать.

Ну так я какой-то девчонке не уступил, цвиркнул по хитровски через губу. Могём!

– Здоровски! А меня научишь?

Всю дорогу до моря учил сперва Фирку, а потом и всех желающих, плевать по хитровски. Старшие быстро освоили эту важную науку, а младшие только себя да друг дружку заплевали.

– Запашисто! – Помахал ладонью перед носом Санька, когда мы вышли к морю, – Пока мы шли, я думал, што он нужников несёт, дома-то один к одному стоят. Народу много, серут тоже много. А тут вона как, море вонючее!

– Водоросли, – Равнодушно отозвалась Фира, – привыкнешь. Пойдём дальше! Там за камнями раздеться можно будет.

Пошли дальше, меня о чём-то спрашивают, отвечаю машинально, а сам всю шею выворотил, отвернуться от моря не могу. Такое всё знакомее и родное, што надышаться и насмотреться не могу. Запашисто малость, ето да, но не мешает, вот ей-ей! Лучше любово одеколона запах этот водоросляной.

Дошли до обломистых камней и поделилися, штоб раздеться. Мальчики налево, девочки направо. Не мочить же одёжку в солёной воде?! Портится она от тово, а богатых промеж нас нет! Так и полезли – слева мальчики, справа девочки, а посерёдке мелюзга обоева пола.

Мутноватая водичка-то. Мне море другим помнится, чистым и прозрачным, да и не таким духмяным. Но то было другое море, другой век и другая жизнь.

Залезли все уже, плескаются, а стою себе голым столбиком, призадумался потому што.

– Егор! – Санька орёт, – Залазь!

Иду, и каждую песчинку ногами чувствую, каждый камушек, и будто ластятся они, как котята. А потом волны на ступни набежали так ласково, и я присел. Руку протянул, дотронулся до воды и прошептал:

– Ну здравствуй, зверь по имени Море!

Наплескались не досыта, Фирка нас с моря погнала. Сказала, што с непривычки кожа сползти может, потому как солнце здесь сильное, южное!

Санька заспорил было, но Фира подплыла сзади, да ладонями по загривку провела, и тово ажно дугой назад выгнуло! Больно! Обгорел уже, значица.

Хотел он её поймать и отомстить, но волна солёная в нос захлестнула. Хоть и на мелководье дружок мой был, а чуть не захлебнулся – перепугался потому как. Ничо, отошёл!

– Вы здесь на всё лето, так? Успеете ещё загореть и обгореть! – Щebetала девчонка из-за камней, пока одевалась, – А то приезжают иногда, сходят раз, накупаются до одури, а потом неделю только по тени передвигаются и сметаной мажутся!

– Пока всех собирали да через Молдаванку шли, – Продолжила она, появившись из-за камня, – пока накупались, пока назад. Обедать уже пора!

Прислушиваюсь к себе, а ведь оно и верно! Не то шtbody живот к хребту прилип, но жратаньки уже хочется.

Пошли назад совсем другими путями, вроде как экскурсия и нас с Санькой выгулять заодно. Показать, значица, своим да нашим. Фира трещала на ходу очень даже интересно, но так быстро, што в голову сразу и не укладывалось. А когда укладываться начинало, так в уши влетали новые слова, выбивая старые. В общем, интересно, но ни хренинушки не запомнил!

Пока шли, половина народа рассосалась по дворам. Только юрк! И нету. По друзьям и родственникам пошли, значица. Остались только мы с Санькой, Фира, её братишки да двое других мелких непонятново пола.

А потом раз! И четверо дорогу нам преградили. Чернявые все да носатые – местные, значица. Я сразу Фирку за спину, Санька вперёд шагнул – рядышком штоб, значица.

– И откуда ты такой нарядный? – Спрашивает меня тот, што постарше, лет четырнадцати на вид, и на землю сплёвывает.

– А ты, – Сплёвываю в свой черёд, – кто такой, штобы перед тобой отчитываться?

– Я-то, – Ответил вожак, – на Молдаванке всем знаком и своё уважаемое имя попусту трепать не буду, а вот за тебя

вопросы есть, и мы их спросим! И с тебя, и с Фиры!

– Как спрашивать будете, милостивый сударь? По правилам бокса английского? – И руками так – жух-жух по воздуху! Нырочков парочку, уклончик.

– Можно и французского, – Скалю зубы, – и вертушку так на уровне головы – раз! Оно больше для танцев такое тренирую, потому как в драке почти и бесполезно, если против человека понимающево. Но эффектно и тово, внушает.

– Или, – Руки в карманы резко, а Санька за мной повторяет, чуть поотстав, – по правилам благородного беспредела?

Стоят, посматривают, задумчивые такие. А што ж не призадуматься? У меня на левой кастет с зубчиками надет, а в правой ножик. И видно сразу, што не для того, штобы по веточкам строгать, а штобы человека резать. И морда лица у меня такая, што вот ей-ей, сам бы испугался! Тренировался потому как. В смысле, морду лица пугательную тренировал.

А у Саньки, значица, ровно наоборот – в левой ножик, а в правой кастет. И тоже морда. Лица. Он когда нервничает, сразу физия такая делается, што у кирпича больше эмоций. И не моргает! Не знать, какой добряк, так подумаешь, што убивец со стажем, ей-ей!

– Встретимся ещё, – Сказал тот, отступая.

– В любое время! С меня, милостивый сударь, вы можете спрашивать, а вот если захотите за Фиру, то снова через меня!

Пощурились друг на дружку, в пыль сплюнули по разику,

да и дали нам дорогу. Молча дальше шли, до самого дома молча. Странно даже! И лицо у неё такое... не то чтобы довольное, но где-то рядом. Показалось, наверное.

Третья глава

Спустившись в подвальчик с ведром, тряпкой и самым деловым видом, Песса Израилевна мигом отставила в сторонку орудия труда, едва закрыв за собой дверь, не забыв о засове. Большие её, тёмные и чуть выпуклые глаза горели извечным женским любопытством.

– Аккуратные мальчики, – Провела она ладонью по заправленным топчанам, и тут же начала ворошить вещи, старательно запоминая, что где лежало. Видно, что куплены у старьёвщика и ни разу не новые, но добротные, где надо зашитые и залатанные, да и выбраны с умом.

– Явно не женская рука, – Приподняла она штаны, близи-руко сощурив глаза на латку, – но толково. Сам? Похоже! А вот и нитки с иголками. И ножнички? То-то мне показалось, что ногти у него не обгрызенные! У мужика-то вчерашнего!

Взгляд её переместился на полку с десятком книг. Шаг, и полная рука, пахнущая рыбой, взяла одну из них.

– Сборник алгебраических задач для старших классов средних учебных заведений?!

Песса Израилевна, не веря, ещё раз перечла название и опустила брови назад, взяв с полки следующую книгу.

– Собрание вопросов и задач прямолинейной тригонометрии для гимназий и реальных училищ? От это... Два года назад неграмотным был, и мало того, память потерял после бо-

лезни, если Санечке память с кем-нибудь не изменяет. Всем бы так болеть! Не мальчик, а брульянт чистой воды! Дурой буду, если упущу!

Поставив учебник на полку, взяла следующую книгу.

– Бодлер?! Французский?! Ох... – Сев на топчан, она начала обмахиваться книгой, остужая вмиг вспотевшее лицо, – С Фирочкой у них всё хорошо, пусть и по-детски пока... Нивроку¹!

Суеверно поплевав через левое плечо, она постучала по дереву и проделала ещё с десяток ритуалов такого же рода, мешая суеверия едва ли не всех народов, населяющих Одессу.

– Надо одеть глаза на морду, – Медленно сказала она, припоминая заклятых подружек и слишком шустрых родственниц, имевших дочек, внучек и племянниц подходящего возраста.

– Вот им! – Песса Израилевна скрутила кукиши обеими руками и затыкала ими в воздух, будто в ненавистные лица потенциальных соперниц, – А то знаю их! Больше всех кричат о правильном еврейском зяте, а как попадётся хороший гойский мальчик, так сразу забудут все заветы Торы!

– Ах, лишь бы дочка была счастлива! – Передразнила она одну из таких знакомых и театрально приложила к сухим глазам отсутствующий платочек, – Мы поплакали, да и смирились!

¹ Чтоб не сглазить!

– У-у! Все ви так! Таки я тоже могу шлифануть чужие уши и прикладывать потом платочек к глазам, – Змеёй зашипела Песса Израилевна, – Страдать потом напоказ буду! За таким зятем што ж не пострадать?

Подскочив, привела вещи в порядок и остановилась, будто вспоминая о чем-то.

– Ах да! Уборка!

Смахнув пыль, она протёрла полы и, призадумавшись ненадолго, поднялась вверх, где решительно взяла немного денег из тайника. Блохи ведь! А в аптеке у Шнеермана продаётся проверенное средство!

Идя по Молдаванке, Песса Израилевна другими глазами смотрела на девочек и их мам. Соперницы! Егорку им подавай! А вот им! Пусть идут по направлению двери и горько плачут!

– Ни единого шанца им, – Вслух сказала она с самым суровым лицом, ускоряя шаг и едва не срываясь на трусцу, – а гой там или нет, дело десятое. Подумаешь, мальчик немножко гой, так што теперь?! За таким мужем Фирочка будет счастлива и благополучна, а вместе с ней и её мама!

* * *

Они налетели без разговоров, и я только успел, што увернуться от замаха, да боднуть головой в лицо нападавшего, кровяня лбом переносье. Краем глаза вижу, как Санька сце-

пился с одним из вражин и покатился по пыльному переулку, обхватив ево руками и ногами, да пытаюсь вколотить голову в землю.

Почти тут же меня крепко обхватили сзади, а спереду какой-то носатый упитанный парнишка постарше меня, взял разбег, норовя протаранить мой живот головой, чисто бугай из деревенского стада. С силой толкнувшись назад, вынуждаю держащего меня завалиться. И ногами бодливого – на!

Упали все трое, да тут же подскочил ещё один из нападавших, и ногами меня, ногами! Я забарахтался, пытаюсь отпινываться от ударов, самому запинывать бодливого и вывернуться из рук тово, што сзаду.

Н-на! Бодливый, так и не оклемавшийся от первого удара, получил ещё один удар босой пяткой в лобешник и заблевал. Лежит на боку, рыгает!

Крепкий удар в живот от прыгающего вокруг вражины отбросил меня в сторону. Нутро чуть не перевернулось, но зато не держит больше никто!

А етот прыгает, прыгает, зараза такой! Встать не даёт! Исхитрившись, ловлю его ногу и выкручиваю ступню, да и сам валюся на бок, заваливая заодно подскочившего было борцуна.

Выпустил ногу, и тут же борцуна за волосы, и об дорогу мордой – шарах! Отвалился, а тут и Санька подскочил – в кровище весь, рубаха порвата чуть не пополам, и тово, которого я за ногу выкручивал, да ногой в бочину!

Ну и я подскочил да добавил, штоб не встал.

– ... аа!

И из-за низеньково забора, заросшего каким-то выюном, парнище такой вылетел, да с дрыном! На выручку своим, значица! Сцыкотно стало, страсть! А тело само, даже подумать не успел – подкатился вниз в падении, пока тот в воздухе ещё вниз летел, да и подбил. Ну и полетел етот с дрыном своим, кубарем через голову, косточками гремя. А Санька подхватил дрын, да по хребту ево, по голове!

Тот руками защищается, да уползти пытается, да куда там! Так и лупасил, покудова дрын не переломил о спину.

Потом со всех сторон такое – а-а! И крики! Дружки их и родственнички выбежали, значица. Ну, думаю, смертушка наша пришла!

Переглянулись с Санькой, да ножики из карманов – на! Стоим спина к спине, щеримся. Забьют ведь, ей-ей забьют! А так хоть не баранами покорными помрём!

А тут и Фирка догнала нас, да остальные, и тоже по-своему визжать. На идише, значица.

Мелкая она, но храбрая! Бросается на взрослых, и не боится ничево! Мужик какой-то отбросил её, а я сам и не понял, как ножом в него – швырк! Попал. Так себе попал, покорябал только.

Ето ведь только в цирке ножики хорошо кидать – по деревьям, которые с места не трогаются. А живой человек, он же двигается постоянно – чуть сместился, и всё, ножик уже

не втыкивается по самую рукоять, а только ковыряет чутка. Больно и страшно, но и не так, чтобы совсем ой!

К смерти уже приготовился, а тут новые люди понабежали, да смотрю – рожи знакомые. Яков Моисеевич который, нарисовался и так глазами раз! Окинул всё, да и в самую серединку полез. Орёт! Громко и противно, как птица-павлин, у которой из жопы веер, ажно уши режет. Но слушаются.

На идише сперва, а потом уже народа понабежало не только идишского, так и на русский перешли. Так себе русский, как по мне, но хоть через слово понятно.

Перепутали нас оказывается, значаца. Мы с моря когда пошли, вперёд чутка убежали, штоб от надоедливых мелких отстать, а тут Молдаванка краешком проходит. Бывает, што и забредают всякие там чужие, из особо наглых. Ну вот нас за таких и приняли. Наглых.

Мы ж только вчера приехали, а слухи хоть и быстро расходятся, но вот накладочка вышла. Не все услышали, а если и услышали, так и не поняли.

Смотрю, народ успокаиваться стал, и Фира ко мне подошла, да платком лицо вытирает. А кровищи! И не заметил, как зацепили. Бровь рассекли, оказывается, и как только глаза не залило?

Мужик тот подошёл, которово я ножом поранил. Ухмыляется!

– Ты, – Говорит, – молодец, што за девчонку свою вступился, потому к тебе претензий от Фимы Бляйшмана и нет!

Только и она не права была, потому как за языком хоть немного следить надо.

Похлопал меня по плечу, отдал нож, да и пошёл себе. Смотрю, показывает дружкам ранку, да в меня пальцами тычет со смешками. Стоят, гыгыкают, а морды такие, што сразу видно – Иваны! Ну то есть на свой, на жидовский лад Иваны.

Может, только самую чуточку пониже, у меня на такое глаз намётан! Серьёзные дядьки.

Меня отпускать начало. Никак, думаю, обойдётся? Потом в толпе дедок появился. Такой себе разъевреистый еврей. Не просто шапочка ета чудная на голове, да с пейсами, а фу-ты ну ты!

– Ребе, – Шепчет Фира, прижимаясь сбоку. Имя ребе в голову не влезло, потому как чудное, да и галдят очень уж сильно и все разом.

Погалдели, а потом ребе и присудил. Все неправы оказались! Мы, потому как без ума пошли по чужому району. И нападавшие, потому как нечево руками без спроса размахивать! Стыдно такое для евреев, значица. Потому как язык Богом дадён, штобы говорить, а говорить если не умеют или не хотят, то чем они тогда от диких зверей-обезьян отличаются?

Мы вроде как первее неправы оказались, а нападавшие неправы сильнее. Но поскольку один вот – рыгает, то и оплачивать рычачку ево нам предстоит. Мне то есть.

– Ты как? – Спрашивает Лебензон серьёзно, – Согласен с судом нашим или через как?

– Согласен за севодня, – Ответствую, – што ж не согласиться-то? Ваших я неправее считаю, но они тут свои, так што всё и понятно. Странно было бы, если бы свой ребе за чужово судил.

– Ну тогда с тебя семьдесят рублей, – Объявил он, – потому как голова, а это не нога и не жопа! Для еврея голова важнее всего! Есть у тебя, или кто поручителем пойдёт?

Фирка аж зажмурилась, кулачки стиснула, да вот-вот, вижу по ней, шаг вперёд сделает. Непорядок!

– Што ж не быть!

Все так удивились сразу, да загалдели так, што ажно вороны с деревьев послетали. А я достал с кармашка деньги, тряпочку промасленную развернул, да и отсчитал семьдесят рубликов. И показал заодно, што больше-то нетути почти што! Так только, три рубля ассигнацией.

Досада взяла немного, да не за деньги даже и не за суд полуправедный, а за кармашек потайной, на штанах у пояса с изнанки самолично шитый. Деньги што, заработаю! А вот складывать куда теперь, ето вопрос.

Да потряхивает пока после драчки, вслух ето и сказал сдурма. Взгляды вокруг такие сразу – ого! Не просто как к взрослому, а как примерно к Якову Моисеевичу. Уважаемый человек.

Драчка наша без последствий не осталась. Сперва с деньгами пришлось расстаться в чужую пользу, а после, часам к

пяти, пришёл околоточный надзиратель. Знакомиться вроде как.

– Так значить, Шломо, – Усатый дядька с нескрываемой иронией оглядел меня.

– Племянник троюродный, – Охотно подтвердила тётя Песя, подвигая его благородию рюмочку и тарелочку с закусью. Благородие чиниться не стал, выпил пейсаховки², да и закусил.

– Племянник, – Хмыкнул тот, – сделаю вид, что верю.

– А ты, – Повернулся он к Чижу, – тоже из обрезанных?

– А? Агась! – Закивал Санька, – Етот... Рувим!

– Да ну!? – Весело удивился околоточный надзиратель.

– Да вот те крест! – Санька истово перекрестился от лба до самого пуза.

Отсмеявшись, благородие многозначительно поиграл бровями, и пришлось отдать ему последнюю трёшку. Взял, не чинясь и не таясь, спокойно так. Выпив напоследок и основательно закусив, он удалился, посмеиваясь то и дело.

– Я тово... – Начал было виноватиться дружок.

– Ерунда! – Отозвалась хихикающая в кулачок Фира.

– Точно? – Не поверил Санька, и правильно сделал!

– Точно! – Захохотала та уже из-за двери, – Одним анекдотов в Одессе больше!

По лестнице еле слышно простучали ноги, и уже во дворе послышалось звонкое:

² Еврейская изюмная водка.

– Ща такое расскажу, што уссикаетесь!

– Да ерунда, – Даю Саньке отмашку, – в самом деле ерунда. Ты любого из местных представь хоть у нас в Сенцово. Што, не обсмеялись бы? Плюнь!

– Деньги... – Промямлил тот.

– Плюнь! Завтра пройдемся по Одессе, да и посмотрю, где и как можно заработать. За поесть и пожить можно не беспокоиться, но насчёт пироженых-мороженых и поразвлечься надо подумать.

– А ты таки владеешь профессией? – Осторожно поинтересовалась тётя Песя, отвлѣкшись от готовки.

– Ага. Экзамен в управе не сдавал по известным вам причинам, но ремеслом холодного сапожника владею в полной мере.

– Таки ты пойдѣшь на бульвар в поисках работы? Или как?

– Или нет. Я люблю работать руками, но зарабатывать предпочитаю головой.

– И как успехи? – тётя Песя ажно замерла, только с половника в кастрюлю – кап, кап!

– Есть, но там. А здесь думаю иначе, так интересней. Надо мылить. Меня, например, кормят идеи³, и я хочу есть вкусно и спать сладко, зарабатывая не в поте лица, а головой. Завтра пройдемся по Одессе и будем посмотреть, где тут у вас деньги лежат.

³ Цитата Великого Комбинатор.

Четвёртая глава

До вечера крутились с Санькой во дворе и окрестностях. Показывали, значица, што тьфу! Плюнуть и растереть, а не ситуация! Мы такие, Сенцовские, Московские, Хитровские! На одну руку намотаем и соплём зашибём!

Фирка гордая ходила за мной, ни на шаг не отлипая. Ишь, лестно ей! Сопливка ещё, а ножичками уже из-за неё бросаются. И вроде как заявка на жениховство.

А я ни да, ни нет хотелкам её. Вроде как и глупости всё, но и прямо вот так сказать, што «нет», язык как-то не поворачивается. Красивая потому што, как икона с Божьей Матерью, хоть и маленькая совсем. Да ещё и как вспомню, как она на дядьку етого! Серьёзная девка, к такой и присмотреться можно.

Чуть не полночь с местными сидели, ну вот так здесь принято. Жарко потому што днём, вдохнуть иногда тяжело даже. Вся работа и жизнь вообще летом поутру идёт, да вечером, когда камни остывать начинают, а с моря ветер задувает. А днём прячутся от солнца – сиеста, значица. Ну ето кто может себе такое позволить, канешно.

Байки мне одесские вечером рассказывали: про катакомбы, греков древних, обстрел города в Крымской войне, за контрабанду. Интересно! И не сразу поймёшь, когда врать

начинают, а где и всерьёз.

Танцевать ещё учили. Ха! Семь-сорок называется, ничево так! Чудной, ну да не мне говорить! Я быстро всё схватил, да потом со всем двором и перетанцевал на все лады. Скрипочка пиликала душевно так, другие всякие инструменты музыкальные.

Заполночь уgomонились, так мы с Санькой спать и пошли. Ополоснулись наскоро из чайника, да и начали устраиваться. Ворочаемся, да охаем, ажно на смешки пробирать стало.

– Ты севодня такой евреистый еврей был, што прям погром захотелось устроить, – Тихонько засмеялся дружок со своего топчана.

– А сам-то, сам? Так отплясывал, што увидь тебя наш ба-тюшка, так епитимью небось наложил бы!

– Тоже всё болит? – Сменил Чиж тему разговора.

– Агась! Как ни повернусь, так везде больно! Ничо! Так быстрее синцы сойдут, да и мазями што, зряшно мазюкались?

– Надо будет потом тётё Песе отдать деньгами, – Заворошился беспокойно дружок.

– Отдам! Всё, спи.

Санька быстро засопел, а мне сон не шёл. Не то што даже болит всё, сколько мысли всякие, дурацкие. Привык с недавних пор разбирать прошедший день поминутно. Ну то есть сперва вспоминать, потому как для памяти полезно, а потом

и разбирать. Анализировать, значица.

Што, как, где. Дюже полезно, но сложно! Понимаю иногда, што как-то не так понимаю, а как надо – хренушки! Образования не хватает, опыта жизненного, да и умишка не мешало бы побольше.

Навспоминался, а потом анализировать принялся. С драки начал, потому как она в голове вертелась и вертелась. Каждая сценка, каждое движение чуть не по сто раз перед глазами промелькнуло! Адреналин потому што.

Ну так, ничево дрался. Бывало и получше, но нежданчик и всё такое. Нормально, короче! Успокоился, а в голове начала почему-то всплывать та стычка наша, предыдущая, которая без драчки обошлась. Как-то оно по-другому было, тока не пойму как. Странно, короче.

Но етих, данных не хватает. Мысленно представил записочку, на которой написал што надо, и галочку напротив поставил. Вспомнить потом, значица, и обдумать как следует.

А вот после драки, оно как бы и не очень. Неприятно. Вроде как и нормально себя повёл, но в голове всё равно крутится, што мог бы и ого-го! Да слова всякие там грозные, про Иванов московских и мои с ними знакомства, да прочее такое же, пугательно-ругательное.

Мог бы канешно и тово, достать из широких штанин, да и помахать, но рискованно. Лев Лазаревич предупреждал, што московские Иваны у здешних деловых не то штобы вовсе не в чести, но бывают и тово, контры, иногда даже серьёзные.

Начнёшь так словесами бросаться, именами козыряя, а тут раз! И враг покровителя твоего. Опасливо!

Не зная расклады здешние ну вот ни на копеечку, бодаться с местными зубрами из уголовных? Глупость как есть!

Потом полезло всякое такое, што французы называют «остроумие на лестнице». Это когда ты спустился уже, а то и тово – спустили. И уже там нашёл все аргументы нужные, но поздно, потому как разговор закончен, и осталось только обтряхивать отпечаток ботинка на заднице.

Ух, сколько аргументов я нашёл! Так остроумно бы ответил, да так изящно! Но всё, поздно. Обидно канешно, но как есть. Всё, спать...

«— Ильин⁴, – В вагончик, затянувшись напоследок и выкинув окуроч, забежал мастер, – тебе персональное задание.

– Перерыв, – Не отвлекаюсь от шахмат на телефоне, пока остальные играют в переводного дурака, – законный, между прочим!

– Компенсирую!

– Что там? – Неохотно сохраняю игру и поднимаю глаза.

– На! – Папка с бумагами с хлопком ложиться на стол, – Реферат, срочно! Староста позвонил – сказал, завтра до вечера край!

– Ты часом не охренел? – Отпихиваю папки, – Студент-за-

⁴ ГГ ещё в первом томе вспомнил своё имя из прошлой жизни – Егор Иванович Ильин.

очник строительного ВУЗа ты, а у меня девять классов со справкой, и ПТУ на сантехника!

– Егор! – Тёмные, чуть выпуклые глаза мастера выразительны донельзя, – Ну хватит, а? У меня третий разряд по шахматам...

– ...был когда-то, – Договариваю за него.

– Был, – Соглашается мастер, – но ты у меня в половине случаев выигрываешь, так что...

Папка подвигается ко мне.

– Сам справишься, – Папка движется назад.

– Некогда! Работа...

– ...КВН, – Договариваю я.

– И он тоже, – Спокойно кивает мастер, не думая смущаться. На должность он устроен по блату, и время делит между игрой в КВН и сугубо хозяйственными хлопотами на стройке. Достать, договориться, спереть.

Учиться, что характерно, особо не пытается, да и зачем?! Матушка у него кадровичка в крупном московском СУ, имеющая вдобавок то ли скромный пакет акций, то ли нескромное влияние на одного из крупных акционеров.

На стройке он только для того, чтобы просто понимать – как же всё это функционирует с изнанки. В планах – экономический факультет по окончании строительного, и «чистая» должность в СУ. Вроде как даже уже придерживают место.

– Егор, – Голос становится одновременно вкрадчивым и

напористым, – ну ты писал ведь уже рефераты!

– Пф! Не писал, а из интернета копирастил кусками и местами своими словами переписывал.

– Меня устраивает, – Папка подвигается ко мне, – можешь прямо сейчас начинать! В моём вагончике, отвлекать никто не будет, там ноутбук, вкусняшек подгоню... а? И ночевать там же останешься, а не в общем кильдике. Оплату в табель проведу так, будто ты все выходные тут авралил, без сна и отдыха! Аварию типа устранял. Договорились?!

– Взятками не проще? – Уже сдаваясь, подтягиваю себе папку.

– Нет! – Усмехается тот, закуривая, – Компромат! Рано или поздно всплывёт, а для работодателя это не айс! А так я троечник, но вроде как сам!

– КВН не проще бросить? Времени столько освободится! Всё равно в высшую лигу никак не попадаете, даже и рядышком не были ни разу.

Взгляд мастера становится жалостливым.

– Вот потому ты и здесь, – Выдыхает он снисходительно вместе с клубом сигаретного дыма, – в строительном вагончике. Приоритеты нужно расставлять! Сейчас главное – связи и умение договориться. Заставить человека делать то, что нужно тебе, оставив при этом приятное послевкусие.

Упитанная его морда внезапно обрастает пейсами, а носу появляются очки.

– Так-то, молодой человек! – Говорит он голосом Льва Ла-

заревича».

Проснувшись, некоторое время не могу понять, кто я и где. Рука привычно похлопала по тумбочке в поисках сигарет...

«— Да я ж курить бросил, какие сигареты!?»

— Да и не начинал, — Бормочу тихонечко, пока меня отпускает. Сон быстро затягивается туманом забвения, но кое-что в памяти и тово, осталось.

— Заставить человека делать то, что тебе нужно, оставив приятное послевкусие? Хм... а причём здесь Лев Лазаревич?

Раз уж сна ни в одном глазу... Кстати, сколько там натикало? Приподнявшись, нашариваю часы и чиркаю спичкой, пытаюсь разглядеть цифры. Утро уже почти, светать скоро будет.

Ладно... Так причём тут Лев Лазаревич? Кручу его и так, и етак. На Москве его знают как люди почтенные, законопослушные, так и хитрованцы. Абортмахер, иногда скупщик... вроде как. Такой вот дяденька, себе на уме, да в свою пользу.

Здесь тоже знают, местный всё-таки, с Молдаванки. Тоже всякий народец, и криминальный в том числе, если даже не в первую голову.

Письмо сестричке своей двоюродной написал, да мне записочку для неё. Особо подвоха вроде как и нет. Песя Израилевна даром што еврейка, а такая дура простодырая! Вроде и выторговала деньги за жильё да питание, так кормит

так, што ажно неловко иногда становится. Чуть не на три рубля с Санькой и едим. Тоже мне, еврейка!

Не, на Хитровке бабы поухватистей! Эти не стали бы ке-фалями кормить да бананами! Шаз! Ел бы на пять копеек день, ну может на гривенник, да и радёшенек был бы!

Надо будет подкидывать ей иногда всяко-разного. Или не так прямо, а может просто – Фирку там сводить куда, гостинчик братьям её? И то дело! Ну или купить што вкусно на базаре, да и принесть – вроде как на, тётя Песя, угощайся! А то всучили слишком много торгаши ваши одесские, оно ведь испортится!

– Што-то мысли не в ту сторону попёрли! Так... Лазаревич, письмо... письмо, письмо... Ах ты ж сука!

– А? – Отозвался сонный Чиж.

– Спи, рано ещё!

Остатки сонности растаяли, как и не было. Письмо, ну точно! Сеструхе своей двоюродной написал, штоб ета дура простодырая хоть что-то заработала вокруг меня. Вдова всё-таки.

Если сеструхе написал, то кто мешал друзьям своим написать? Детства, значица. Подходы штоб нашли и вообще.

На Хитровке я человек не из первых, ан и не из последних! Можно через меня што-то делать и какие-то вопросы решать.

На слабину, значица, попробовать, а если получится, то и

в долги вогнать. Деньгами взять на арапа⁵ не вышло, сразу и отдал. Ну тут они промашку дали, недооценили. Ха, буквально! Может поторопился кто, а может абортмахер етот в письме не прямо писал, а намёки намёкивал.

А вот морально...

Мне снова захотелось курить.

... получилось.

Потому как Фима, который Бляйшман, претензий ко мне вроде как и не имеет, но ето всё «вроде как» и есть. Надо будет, так и разложат каком кверху, да и объяснят, где и как я был не прав! Потому как теперь он может подойти ко мне и попросить што-нибудь етакое... не совсем штоб очень уж, но имеет. И отказать не смогу, потому как долг. Моральный. Ну то есть могу, но как бы и не стоит, особенно в Одессе.

Насчёт Фиры вообще разговор отдельный. Ето ко мне претензий вроде как и нет, а вот про Фирку прямо было сказано, што не права она. А поскольку она за меня заступалась, то снова выходит, што мне и отвечать, иначе ой. Репутация.

Вот же Лазаревич, сука! Вроде как и сделал хорошо, но всё в свою пользу!

Чуть погодя я поостыл и мыслил уже без горячности. Ла-

⁵ «БРАТЬ НА АРАПА» И «ЗАПРАВЛЯТЬ АРАПА» – оба эти выражения восходят к воровскому жаргону. Выражение «брать на арапа» имеет несколько значений. В первом оно означает – брать на испуг, добиваться признаний при помощи несуществующих улик, невыполнимых угроз. То же самое, что блатное «брать на понт». Со вторым выражением – «ЗАПРАВЛЯТЬ АРАПА» – дело обстоит ещё интереснее. «Заправлять арапа» значит – обманывать, лгать, дурачить.

заревич, он конечно и сука, но кто я ему? Родственник? Просто запомнить надобно будет и при случае тово. Ответочку.

А долги отдавать придётся, эти его! И лучше отдать заранее, пока не подошли. Оно лучше то, когда на своих условиях.

Заниматься в то утро не стали, потому как чувствовали себя как старая деревянная мебель, трухлявая и скрипучая. Так тока, размялись мал-мала, с кряхтением превеликим.

Завтракали так, што прямо ой! Вкусно всё, и от пуза. Я тогда точно уверился – надо будет ещё подкинуть! А то ведь очень уж душевная тётка.

Я потому и впутывать её в дела наши не стал.

– Спасибо, – Говорю, – тётя Песя, вкуснотища прямо-таки необыкновенная!

Вышли во двор, а Фира с нами.

– Ты как, – Спрашиваю у неё, – за Фиму Бляйшмана знаешь?

– Серьёзный человек, – И мордаха такая погрустневшая, што мне вот захотелось кому-нибудь морду набить, штоб грустность ету убрать.

– Знаешь, где етот серьёзный человек живёт, да под кем он ходит?

– Конечно! – Аж подскочила, возмущённая такая. Как же – она, и вдруг не знает чего!

Серьёзные люди, как водится, работают в Одессе всё больше ночами. Еле-еле вытерпели до после обеда, проведя утро на море, да и пошли к Бляйшману.

У тово свой дом двухэтажный из ракушечника. Не так чтобы и большой, но на одного человека, пусть даже и с семьёй, так и немаленький. Двор собственный, на котором разместилось несколько сараев и два больших дерева. Богато!

– Мой боевитый друг Егор и его верный Санька Пансо! Моё почтение! – Заорал он сверху, заприметив нас перед калиткой, подскакивая из-за стола, – Поднимайтесь, я как раз завтракаю!

Смотрю, Фира погрузнела – её-то не упомянул, а значица – затаил. Прямо почти о том сказал. Ну да тут дело такое, что за пролитую кровь порой меньше спрашивают, чем за сказанные слова.

– Супруга моя, Хая, – Представил он толстую красивую бабу, почти што красивую, только очень уж лупоглазую, – Садитесь!

– Спасибо, дядя Фима, – Отвечаю вежественно, не забыв снять картуз, – мы только из-за стола.

– Какие милые мальчики! – Умилилась Хая, и рукой меня за щёку щипет, – Так заходите к нам почаще, когда из-за стола! Всегда будем рады таким гостям! Фима, может тебе завести побольше русских друзей? А то эти жидовские морды, норовящие пожрать на дармовщинку, мне уже как-то надоели! Мне хватает одной жидовской морды – твоей! Ну

может ещё Ёсик, когда он приезжает голодный от своего петербургского университета! И хватит! Вот когда Ёсик заведёт детей, тогда совсем другое дело.

– Всегда будем рады, тётя Хая, – Ответил ей, – мы собственно, по вопросам дружбы и добрососедства пришли.

– Тётя! – Умилилась та, и снова за щёку меня, – Скажу на Привозе, што обзавелась гойским племянником, так мне не так поймут! А потом объясню ещё раз, и мне поймут ещё неправильней!

Минут десять так развлекались, словесами перебрасывась. Потом Фима доел и бровку етак вверх вздёрнул.

– Долги возвращать надобно, дядя Фима, – И улыбаюсь, – етому меня жизнь научила.

Тот кивнул важно так, и рюмочку – жах! И глазами вопрошает.

– Я предпочитаю отдавать так, штобы мне должны оставались. У вас как, сдачи найдётся? Или лучше сразу?

И пальцем вверх.

Бляйшман посидел, поскрёб щетину, не отрывая глаз от моего лица. Понимает, што не за деньги говорить пришёл. Потом медленно так кивнул.

– Хорошо. Вечером приходи. Один.

– Вечером, ето когда?

– Часикам к девяти.

Долго время потянулось! На море идти уже нет, потому

как были уже, а часто нельзя – кожа поползёт. Танцы и вообще, беготня всякая – так тело болит.

С книжками устроились. Я примеры решаю, Санька «Конька-Горбунка» по складам читает. Фирка забежала ненадолго, сделала глаза и убежала. А минут через пять слышим:

– Мендель! Горе в еврейской семье! Оторвись от своих игрушек, да иди почитай книжку! Гойские мальчишки на отдых приехали, и то занимаются! Они вырастут, и станут инженерами, врачами или адвокатами, а ты шо? Будешь чистить им ботинки?

И на русском всё. Ето, как я уже понял, штоб все знали, а не только идиши. Стыдит отпрыска, значица. Любят здесь так, напоказ.

– Мендель!

Занимались до того, што у меня голова мало не вспухла, да и дружок мой тоже устал. Так што после ужина книжки не открывали. Сидели только, разговаривал нио чёмно, да я сдерживался с трудом, что поминутно не щёлкать крышкой часов.

К назначенному времени проводили меня до Фиминово дому, но сами не пошли – потому как и не приглашали, значица.

Во дворе на лавочке сам Бляйшман, и с ним мужчинка такой – невзрачный вроде, да и одет, как прикащик в лавке средней руки.

Но это пока не глянул! Дула пушечные, а не глаза. Еге, думаю – тут не просто Иван местново разлива, а один из самых набольших!

– Здрасте вам! – И картуз с головы. Атаман кивнул, но представляться не стал, – Есть у меня шанец договорить своё деловое предложение, штоб вы мне были здоровы, или мне замолчать свой рот и говорить за моральные долги перед Фимой?

– Ловлю ушами твоих слов, – Доброжелательно ответил тот, не обращая внимания на вмиг вспотевшево Фиму, и опёрся на щегольскую тросточку, в которой – рупь за сто, потаённый клинок.

– Университет – настоящее золотое дно! – Атаман чуть сморщился, и я заспешил, – Не поддельные дипломы, разумеется! А просто – помощь в поступлении. Подойти к родителям, да и пообещать помощь в поступлении.

– Знакомо, – Раздражённо перебил меня Бляйшман.

– Я могу таки договорить? – Лёгкий кивок атаман, – Спасибо! Убедить в своей искренности можно, пообещав вернуть деньги, если молодой человек не поступит.

– Кидок? – Снова вылез нервничающий Фима, у которого аж глаз задёргался.

– Ни в коем разе! Цимес в том, што делать ничево не надо, вот вообще ничево! – Меня ажно распирало от собственново умища, – Поступил, так и хорошо, а нет, так и вернули деньги. И никаких возмущённых граждан.

– Фима! – Глаза атамана повернулись на Бляйшмана, – Што ж ты не говорил, шлимазл, што у тебя растёт такой племянник? Настоящий гешефтмахер!

– Племянник, – С нажимом повторил он, и Фима закивал часто-часто.

– Родная кровь, – Сказал он наконец, – Потерянное колено Израилево, так сказать! Шломо!

– Вот-вот! Очень приятно познакомиться с вами, молодой человек, – Атаман протянул руку, и я не без трепета пожал её, – Ну-ну... какие могут быть счёты в семье!

* * *

– Фима, – Атаман повернулся к Бляйшману, – я не шутил. С ним мы будем вести дела честно, насколько это вообще возможно. Племянник, понял? Ещё очень наивный и потому немножко дурачок, но он дал нам хороший заработок.

Постукивая пальцами по тросточке, атаман проводил взглядом мальчика, с явным облегчением закрывшего за собой калитку, и продолжил:

– Он сам, этот его дружок, как его... Фира, Песса... ну, пусть тоже. Охраняй, Фима! Ему должно быть здесь так хорошо, как дома у мамы!

– Он сирота, – Вставил Бляйшман, потихонечку выдохнув.

– Тем более, Фима, тем более! – Атаман поднял палец, –

Одесса-мама!

Пятая глава

– Проходите, сударыня, – Вежливо прислонив два пальца к виску, посторонился немолодой городской, и снова занял пост в дверях дома Логинова на Тверской, встав с самым суровым видом. Гроза преступников и опора трона!

Девочка лет десяти, поминутно приседая и лепеча что-то оправдательное, приняла у дам по очереди зонты, глядя на них глазами вусмерть перепуганного животного, попавшего в капкан и завидевшего приближающегося охотника.

– Сударыня, – К месту и не к месту лепетала та, приседая в неуклюжем подобии книксена. Нижняя губа её тряслась, а в глазах застыл первобытный ужас и покорность судьбе.

Переглянувшись, женщины не стали донимать ребёнка расспросами и прошли в гостиную, в которой бывали не раз, заказывая себе бельё. Всегда уютная большая комната, в которой сутился любезный хозяин Алексей Фёдорович и его милейшая супруга Вера Михайловна, угождая клиентам, стала серой и неуютной.

Полицейские чины принесли с собой запахи махорки, алкоголя и лука, вмиг пропитавшие скромно, но со вкусом обставленную комнату.

– Сударыни, – Суховато поприветствовал их околоточный, оторвавшись от беседы с одним из полицейских служителей, и целуя руки дамам. Юлии Алексеевне показалось да-

же, что такой любезный Иван Порфирьевич не рад их видеть, и будто даже тяготиться их присутствием. Впрочем, так наверное и было.

Попечительский комитет при полиции, составленный по решительному настоянию общественности равнодушными гражданами для случаев подобного рода, воспринимался полицией с изрядной толикой досадливого раздражения. Слишком уж своевольны! Никакого понимания субординации и чувства момента!

– Извольте, – Иван Порфирьевич пригласил дам усесться на диван, и продолжил:

– Одна из учениц в заведении Алексея Фёдоровича Фельдмана вздумала покончить с собой, выпив жавель⁶, использующийся для стирки.

– Прачечная на заднем дворе, – Пришлось пояснить околоточному, – принадлежит тому же Фельдману.

– Какой ужас! – Впечатлительная Лидия Михайловна замахала перед собой изящной пухлой ладошкой. В такт движениям заколыхались перья на модной шляпке, – Бедное дитя! Надеюсь, с ней всё порядке?

– Жива, – Суховато ответил Иван Порфирьевич, – но выяснились новые обстоятельства. Со слов несостоявшейся са-

⁶ Жавелевая вода (жавель, от франц. Javel – местечко около Парижа, где впервые стали изготавливать эту воду в 1792 году) – раствор солей калия хлорноватистой и соляной кислот ($\text{KOC}\text{I} + \text{KCl}$). Применяется для белины. Жавелевая вода впервые получена французским химиком Бертолле, изучавшим недавно тогда открытый элементарный хлор.

моубийцы, пойти на такой шаг её заставило изнасилование владельцем заведения.

Лидия Михайловна ещё сильнее замахала ладошками и сделал обморочное лицо. Но Юлия Алексеевна и Гертруда Антоновна старательно не заметили страданий товарки, и вместо того, чтобы утешать тонкую и чувствительную натуру, насели на околоточного.

– ...акушерка подтвердила, что эта ученица уже не девственница, и тогда Вера Михайловна, пользуясь отсутствием мужа, велела той проверить девственность прочих учениц. Как выяснилось, все ученицы старше девяти лет были лишены девственности⁷. По их словам – непосредственно хозяином.

Такие подробности заставили сцепить зубы даже Юлию Алексеевну с Гертрудой Антоновной, но перебивать околоточного они не стали, лишь изредка задавая наводящие вопросы.

– Можно, – Гертруда Антоновна огляделась по сторонам, – задать несколько вопросов акушерке?

– Она будет вызвана на допрос в полицейский участок несколько позже, – Вильнул Иван Порфирьевич.

– Вы её отпустили? – Подхватилась Юлия Алексеевна.

– Никак нет-с! Участие в этом деле акушерки всплыло случайно, – Околоточный выглядел так, будто у него разом

⁷ Абсолютно реальный случай, вплоть до адреса и имён. Единственное, всё происходило несколько раньше.

разболелись все зубы.

– То есть она даже не стала доносить в полицию? – Не унималась учительница, – Столь вопиющий случай?!

– Помилуйте, что ж тут вопиющего!? – Вспылил Иван Порфирьевич и плотно замкнул рот, понимая, что сказал лишнего. Дальше он говорил неохотно и почти односложно, обдумывая каждое слово, которые приходилось вытягивать едва ли не клещами.

Он явно мечтал, чтобы навязанные ему дамы из попечительского комитета провалились в преисподнюю, но дамы оказались упорными, как породистые английские бульдоги. Единственное, Иван Порфирьевич смог сделать допросы максимально быстрыми и упрощёнными, намереваясь как следует поработать со свидетелями и потерпевшими уже в полицейском участке, без посторонних глаз и ушей.

– ...так это, – Дворник отчаянно косил глазами то наседавших дам, то на начальство, не зная толком, что же ему говорить, и когда эту говорильню прекращать, – бывалоча, што и на мороз. Ну, в платьях, а в чём же ишо? Провинились если за што, так и получай! Как же без наказаний-то учить?

– Розги? – Кучер вполне словоохотлив, – Как же, пучками возил, каждый день почитай! Бывалоча, што и не хватало!

– ...Били? Что ж не бить! – Допрашиваемая ученица, девочка лет двенадцати, испуганным зверьком водила по сторонам головой и отчаянно косила глазами. Не заметив хозяйина и хозяйку, успокоилась немного, и стала отвечать.

– ...да оба! Когда хозяин, а когда и хозяйка! Розгами секли, а когда не хватало, то Алексей Фёдорович метлу мог у дворника взять, и оттудова уже прутья повыдирать.

– А кулаками? – Юлия Алексеевна не отводила глаз от девочки, пытаясь поймать взгляд.

– По-всякому! Кулаками, ладонями, ногами, за волосы тягать! Вот! – Девочка наклонила голову и раздвинула волосы на затылке, показывая запекшуюся кровь, – Вчера только Вера Михайловна тягала!

– А насилие? – Вмешалась Гертруда Антоновна.

– Дамы, – Попытался остановить их околоточный, – девочка сейчас возбуждена и может наговорить всякой ерунды, о которой потом пожалеет!

– Насилие было?

– Ну как насилие? – Философски ответила девочка, – Сперва да. А потом так... заведёт в чулан, подол задерёт, да и знай себе охаживает.

– По согласию?

– Как же не соглашаться-то? Хозяин! Не согласишься коли, так и получишь тумаков, а потом всё тож самое, только хуже. А так руками в стену упрусь, да и покряхтываю. Больно конечно... но так-то по согласию, ты поди не согласишься!

– Оговорили, – Спокойно повторил околоточный, когда через пару дней дамы из комитета обратились к нему, – так вот!

Видя, что женщины возмущены до глубины души, Иван Порфирьевич встал.

– Голубушки! Да что ж вы на меня накинулись! Проедем в больницу, поговорим с пострадавшей.

– Так... оговорила! – Безучастно твердила несостоявшаяся самоубийца, лёжа на больничной койке, – Скучно стало!

– Я испорченная с самого детства, потому и оговорила. Девственности? Бродягу алко... алкоголичного на улице подцепила, да и порвалась. И потом тоже – когда за ледене-чик, а когда и от... – Глаза её на миг вильнули куда-то в сторону, – чрез... чрезмерной нимфомании.

Вглядываясь напряжённо в потухшие глаза девочки, учительница случайно увидела в отражении оконного стекла фигура околоточного кивающего в такт словам.

– Вот видите? – Иван Порфирьевич по окончании беседы, совершенно не удовлетворившей женщин, развёл руками, делая вид сочувствующий и немного укоризненный, – Разумеется, дыма вовсе без огня не бывает! Розги им достаются, да и в платьях на мороз могут выскочить стгоряча, если поленятся верхнюю одежду накинуть. А волосы выдернутые, так это скорее результат ссор между самими девочками!

– Поверьте моему опыту! – Околоточный, провожая дам к выходу, пытался убедить их, но те не слушали, ускорив шаги.

– Супруги! Супруги повздорили, да и наговорили друг на друга лишнего, как это и бывает нередко! И девочек...

– И-эх! – Иван Порфирьевич со злостью глянул вслед отъ-

езжающему извозчику, – Либеральная общественность, туды её в качель!

Вытащив было портсигар, спрятал его обратно, с тоской предвкушая объяснения с начальством. Деньги от Фельдмана он не брал – ни «за сокрытие», ни «вообще», здесь он чист!

А вот супруге придётся искать другую белошвейную мастерскую – чтоб за символическую плату обшивали. И скандал на участке, опять же! Везде тоже самое, но не везде эта чортова общественность имеется. А ты не попадайся!

– И-эх! Либералы чортовы! Погубят страну!

* * *

– А ты когда увидишь, где тут у нас деньги лежат, мне покажешь? – Поинтересовалась Фирка, пока мы шли в город с самого утра, потому как для моря мы всё-таки облезли.

Я только хмыкнул многозначительно, да отмолчался. Потому как одно дело красивость сказать, а в жизни вот всё как-то не так выходит. Не рассказывать же ей об институтской афере, в самом-то деле? Баба ведь, хоть маленькая! У тех тайны, особенно чужие, на языке не держатся. Все договорённости тогда побоку!

В город мы поначалу собирались только втроём, потому как братья у Фирки маленькие, а тот самый волосатый Мендель ничем, кроме етой самой волосатости, и неинтересен.

Не сошлись как-то. Такой себе ниочёмка мамин, да ещё и обидевшийся на нас за книжки.

– Фира! – Махая издали, нагнал нас вскоре какой-то улыбочивый парнишка чуток постарше меня, в пристяжке с двумя крепышами, по виду етаких начинающих биндюжников, никак не меньше, чем по пятнадцать годков, – ты в город?

– Иосиф? – Удивилась та, – В город. Давно не виделись, как твой папеле?

– Спасибо, за ним всё хорошо, – Разулыбался тот, – мамеле тоже горем за таким сыном не убита. Знакомцы твои?

– Ну...

– Шломо. Вроде как, – Представился я, выходя вперёд, – а ето Рувим.

– Вот те крест который, да?! Ёся! Просто Ёся, без вроде! – Пожал мне тот руку, – А те два бугая, шо за мной, это Самуил и Товия.

– А кто из кто?

– А никакой разницы! – Засмеялся Ёся, подмигивая насупившемуся было Чижу.

– Такие себе два молодца, одинаковых с яйца! – Вырвалось у меня, но ни Ёся, ни бугаи не обиделись, только посмеявшись.

– Таки близнецы, – Басом, как из пустой бочки, протянул один из них, осторожно пожимая мою руку корявой грабкой, мало чем отличимой от неструганой древесины, – Дядя Фима зашёл за нами Ёсика, а мы уже за вами. Проводить и при-

смотреть, потому што гостеприимство!

Санька озадачился было, но я потихонечку пояснил ему про охрану, и дружок успокоился, явственно выдохнув. Потому как драк мы хоть и не боимся, но самим нарываться не с руки, особенно в чужом городе.

С етими бугаями хотя бы шпанюки местные сразу кидаться не станут, а подойдут на поговорить. А то мало ли, может остались особенно тупые, до которых ещё не довели новую политику.

Мы пока по Молдаванке шли, так постоянно кто-то из парней отделялся, и к местным етак вразвалочку. Постоят, поговорят так недолго, и снова за нами. Разъясняли за нас, значаща.

Через Балковскую улицу вышли на сад Дюка, и ничево так! В Москве-то оно не хуже, но там очень уж на «чистую» и «нечистую» публику делят, и отчево я был в парках московских столько, што по пальцам пересчитать можно. Аккурат в те дни только, когда праздники великие, и до гуляний в парках всякий люд допускался, кроме разве что вовсе уж нищеты. Ну то есть не только хитровцев, но вообще трущобников всяких и прочей бедноты, у которых выходного платья нет.

Фира по сторонам покосилась, а потом свою руку через мою продела. Стыдно почему-то стало, и приятно одновременно. С барышней гуляю! Барышня из Фиры так себе – што по возрасту, што по повадкам, зато красивая!

Гуляем так, и мысли текут ниочёмные. Просто хорошо! Санька потихонечку разговорился с идишами, да и приотстали они.

А потом у меня ноги сами будто – раз! И встали. И к павильону понесли. Такой себе у пруда, открытый, с прилавком на улицу.

– Будем посмотреть, или как? – Ехидничает слегонца приказчик за прилавком, и руки так разводит, вроде как товар охватывает. А товар такой, музыкальный весь! Гитары, гармошки губные, тетрадки с нотами.

– Пойдём отсюда, – Говорит тихонечко Фира, и за рукав тянет, – дорого здесь очень, в городе дешевле почти всё.

А я как замороженный, да к гитаре.

– Можно?

– Вам посмотреть или сразу завернуть?

Понимает, стервь, што денег у меня если и есть, то на булку хлеба.

– Штобы да, так нет! Дайте сперва пощупать инструмент руками, чем сразу спрашивать за деньги!

Вот ей-ей, хотелось ему гадость в лицо мне сказать, но тут парни подошли, и приказчик заткнулся на вздохе. Дал мне гитару в руки, а морда самото кислая такая, што ясно – отойдём чуть, так он ввернутую взад гитару будет нарочито тряпочкой елозить.

Взял я инструмент в руки, да привычно так! Руками по струнам, настроил под себя, и взад вернул. С трудом! Потом

мелочью в кармане звякнул, а у меня всево полтинник там от всего былово богатства, ну и оклемался.

Отошёл в сторонку, да и стою, мелочью позвякиваю. Фира рядышком, по руке гладит. Молча!

Я снова руку крендельком свернул, да и пошли дальше по парку гулять. Недолго гуляли, пока на шахматистов не наткнулись. Такие себе умственные мужчины за столиками, а то и просто на лавочках.

Постоял у одного, у другого, а потом часы песочные за-приметил, и думаю – ага! Прошёлся да приглядел, где на тридцать секунд часы стоят, да и туда.

Походил, к партиям присмотрелся, к людям. Такие нужны, штоб время провести пришли, да не слишком надменные. Нашёл такого дяденьку, по виду из рантье небогатых, ну или шулеров средней руки, если говорить за Одессу. Здесь не вдруг и поймёшь, кто есть кто, да и не вдруг тоже.

Сидит на лавочке, скучает, сам с собой играет. Не так штобы молодой, и волосы такие чёрные, што сразу видно – красится! Седину закрашивает, значаца.

Я остановился рядышком, да гривенник подбросил.

– Блиц?

– Имеете на взять перекинуть⁸? – И взгляд такой саркастический.

– На заработать имею, – Киваю и сажусь напротив, – мне до вечера ещё гитару насобирать надо, хочется потому как.

⁸ Свободные деньги.

– Уважаю здоровую наглость, – Хрюкнул смешливо дяденька, да и начал расставлять фигуры, – но не обещаю ублажить ваши воспалённые хотения.

– Тридцать секунд по лондонским правилам⁹ или как?

– Или как, это как?! – Засмеялся дяденька, – Давай по лондонским.

– Шломо, – Представляюсь я.

– Н-да? Скорее Иван, ну да твоё дело. Агафоник Юльевич. Ну-с...

...он сделал первый ход.

– ...однако, – Озадаченно сказал он, теребя подкрашенный чёрный ус, – Однако! Повторим?

– За ваши деньги почему бы и не да?

⁹ Наиболее раннее свидетельство молниеносной игры – организация одним из лондонских шахматных клубов турнира (1897), где на обдумывание 1 хода полагалось 30 секунд. Такой необычный формат турнира не мог не привлечь газетчиков (шахматы в то время были очень популярны), и соответственно, блиц стал на некоторое время модным.

Шестая глава

– Спасибо, тётя Песя, – Благодарю хозяйку и не без труда встаю из-за стола, всерьёз думая о том, штобы пришить на штаны лямку через плечо, потому как после таких обедов пуговица на живот давит так, што просто ох.

– Ой, да всегда пожалуйста, – Смущается та, – Может, доешь-таки рыбку? А то котам отдавать придётся!

– Мрау! – Подтвердил басом рыжий всехний кот, крутящийся под ногами, и тиранулся о ногу тёти Песи.

– Ну как знаешь!

Котяра перехватил рыбку ещё в полёте и заурчал судовым двигателем, пожирая лакомство.

– Спасибо, тётя Песя, – Поднялся вслед за мной Санька, – Непривычная еда, но вкусно – страсть!

– А то ж! – Подбоченилась та, – Фира сегодня старалась, во кому-то жена достанется!

– Ма-ам! – Смущённо протянула девочка, стреляя в мою сторону глазами, отчево мне почему-то стало неловко и хорошо одновременно.

Вперевалочку спустились в прохладный подвальчик. Сиеста у нас, как у местных. Встаём чуть не раньше солнца, потом на море пешком бегаем, штоб мелюзга не прицепилась, потому как уследить за ними ну невозможно! Так тока, ро-

весники иногда с нами, а иногда и нет, втроём чаще.

Плаваем и ныряем до одури, даже дружок мой потихонечку учиться, хотя пока и на мелководе. А потом и отработываем – то коленца какие, то акробатику, то рукопашество и ногодрыжество бойцовское всякое.

Фирка в такие минуты обычно сидит и смотрит просто, а то мидий начинает собирать или ещё што. А когда плясать начинаем, так сразу здесь! Раз! И будто всегда тут была, хотя тока-тока чуть не за горизонт уходила.

Я с ней пляшу, а Санька с подругой её, Рахилью. Но это он так, чисто из вежливости, потому как больно носата девочка!

Потом снова купаемся и назад. Обед, значица, и сиеста. Потом когда как, чаще по Молдаванке шаримся, да с местными знакомимся. В парк Дюковский ещё, но это уже под вечер самый.

Ну и вечером во дворе чуть не за полночь сидим. В карты играем, байки рассказываем. Душевно!

Две недели завтра будет, как в Одессе живём, а дальше Дерибасовской и не выбирались. Всё какие-то дела-делишки находятся, што вроде как и да, но таки нет. Драчка сперва, потом в шахматы загорелось мне, потом Ёся знакомил нас со шпаной местной и входами-выходами через улочки-проулки.

Кто понимает если, то ого! Завсегда теперь помогут, если вдруг што. На Хитровке мне для таково вот чуть не год про-

жить пришлось, а тут раз! И друг ты всем сердешный. Хорошие люди.

Санька иногда гыкает, што вокруг меня сплошные Циперовичи, Рабиновичи, Бляйшманы, Кацы и Шацы, но тут уж как есть! Попал сюда через идишей, так через них и живу.

Даже с гитарой тоже через них вышло. Начал было в шахматы на деньги, штоб насобирать, а утром стоит футляр у порога, да с письмецом. И гитара там, да такая, што ого! Не каждому благородию по карману в такую цену. А в письмеце записочка, что подарок ето от Фимы Бляйшмана для любовно приёмново племянника. Меня, значица. Душевно!

Но вот ей-ей! Хочется посмотреть за всю Одессу, а не только за Молдаванку! А то совсем уже идишем становиться стал.

– Што фыркаешь-то конём? – Поинтересовался Санька, похлопывая себя по надувшемуся барабаном пузу со счастливой улыбкой вкусно пожравшево человека.

– Да думаю, што совсем уже жидом стал на Молдаванке этой! – Поворотился я к нему, – Меня севодня спросили о чём-то, так я на идише и ответил! На русском спросили! А?!

Чиж залился беззвучным смехом, ажно до слёз. Глянет на меня, да и снова смехом давится.

– Шло... Шломо! – Выпалил он наконец, – Ты так тово и глядишь, гиюр¹⁰ примешь через годик, да и поедешь в Эрец Исраэль!

¹⁰ Гиюр – это ритуальный обряд принятия неевреем иудаизма.

– А сам-то! Сам! Давно ли такие слова выучил, а теперь вот – дразнишься даже!

Хохотали долго, дразня друг дружку, да и утомились потихонечку.

– ...Мендель! Мендель, горе в еврейской семье!

– А? – Сел на топчане, протирая глаза, да тут же почти и встал. Жара спадать начала, и не нужно на часы глядеть, штобы понимать, што дело к вечеру движется.

Сунулся было к чайнику, потому как пить охота, но остановился. Вода местная гадкая, невкусная, да ещё и холера, мать её ети! Не так штобы прямо сейчас гуляет, но и далеко от Одессы эта зараза и не отходит. Так што пить надо или чай, или как мне насоветовали – лимон туда давить. Кисло, а куда деваться?

– Полей, – Попросил Санька, нагнувшись над ведром и тут же зафыркав под тонкой струйкой, – уф! Тебе полить?

– Угу!

– Севодня в парк Дюковский, или как?

– Или как! Хочу Одессу посмотреть, а то вот ей-ей, смешно уже! Приехали в город, а как с вокзала прошли, так с Молдаванки считай и не выбирались! Всё! Руки в ноги и пошли!

– Просто? – Чуть удивился Санька.

– Агась!

Одев парадную рубашку, покосился на ботинки, но одевать не стал.

– Фира! – С порога окликнул девчонку, тихохонько раз-

говаривающую с подружкой под деревом в центре двора, – айда в город!

– Ага! – Без тени сомнений отозвалась та, – Маме только скажу!

Ботиночки простучали по лестнице, и через полминуты Фи́ра ссыпалась обратно, успев натянуть нарядное платье и причесаться под город.

– Пошли? – И под руку меня! Так и пошли со двора, как взрослые ходят.

Пока из Молдаванки не вышли, всё думалось, што вот-вот появятся опять парнищи местные, да завернут назад под каким-нибудь предлогом, но нет! А я уж думать начал было, што они меня от себя пускать не хотят, но наверное, просто совпадение.

Пошли по Балковской неспехом, да Фи́ра рассказывает мне всякое интересное о городе.

– Шломо! Рувим! Уф! Еле догнал, – Запыхавшийся Ёся смотрел на нас с укоризной, – Ну и зачем вы так?

– Мы за надом! А вот ето што было? – Интересуюсь я не без раздражения.

– Охрана, – Вздохнул Ёся, косясь на Фи́ру, – дядя Фима и те, кто над ними, делят сейчас найденную тобой полянку. Ничего такого, штобы вот серьёзно, но какие-то мелочи могут омрачить молодую жизнь.

– А сразу таки нет?

– Так думали, што сразу! – Всплеснул руками Ёся, оглядываясь назад, на приближающихся близнецов, – А вышло так, што вот! Говорю же – мелочи, но не хотелось портить вам отдых у самого Чорного моря!

– А што может быть? – насторожился Санька, делая морду кирпичом и моментально выцветая глазами, – Серьёзное што?

– Та не! На всякий случай штоб! – Замахал руками Ёсик, – Ви же знаете, што когда знают двое, знает и каждая свинья! Таки здесь знают побольше чем, двое, так и свиней может найтись побольше!

– Обрезанных, – Фыркнул Чиж.

– Ну не без этого! – Развёл руками Ёсик с обречённым видом, – Таки што? Да?

– Таки да, – Вздыхаю я, поглядывая на Фиру, чуть не лопающуюся от любопытства.

– Это ты деньги нашёл, да дяде Фиме и показал? – Быстро поняла всё она.

– Агась. Тьфу! То есть, таки да!

– О! – Фира чуть крепче взяла меня под локоть и надулась, ну чисто как жаба, с видом превосходства оглядев профла-нировавшую мимо барышню старшево гимназического возраста, шедшую под ручку с мичманцом.

Я поглядел на ту барышню, потом на Фиру, и понял, что Фира таки лучше, и между нами – сильно. Выпуклостей пока нет, но судя по тёте Песе, будут непременно! А лицо куда

как получше, чем у той барышни, да и...

Я призадумался.

... пожалуй, што и вообще! Не вообще-вообще, но пожалуй, што таки да! Но потом.

Барышня, што с офицером, оглядела нас, и чему-то засмелась тихонечко. Вот дура!

– Ну што, – Поглядываю на близнецов и на Ёсика, – в город всё-таки можно?

– С нами да, – Твёрдо ответил тот, – на всякую шпану мелкую нас хватит, а на крупную там уже договорились.

– Ну тогда, – Стукнув себе по набитому серебром карману, – по мороженому? Угощаю!

Самуил и Товия закивали радостно и пристроились в кильватер, высматривая мороженщика. Таковой нашёлся быстро – Одесса, лето!

– Четыре пломбира, – Сказал я важно, отстояв короткую очередь. Худой мороженщик, по виду из греков, протянул нам лакомство, улыбаясь в прокуренные жёлто-сивые усы. Съев лакомство тут же, не отходя далеко, похлопал себя по животу, огляделся на Фиру и Саньку, да и заказал ещё. Гуляем!

Пошли важные, на господ встреченных без страха глядим. Чай, не Москва! Да и мы не оборванцами выглядим Хитровскими, а нормальными такими мещанами, не из самых бедных.

А запахи! На Молдаванке всё ж таки скучено, запашки

немного тово. Рыбой пахнет, да сцаниной и иным чем человеческим. А здесь, на какой-никакой, а широкой улице, воздушок обвеваает. Морем пахнет, акациями, зеленью всякой вкусной. И камнями!

Вот ей-ей, сказал бы кто, што камни раскалённые пахнуть могут здоровски, так пальцем у виска покрутил бы! А когда вместе с запахами моря и прочими, так очень даже и да!

На Ольгиевском спуске Санька на тумбу наткнулся.

– Цирк шапито, – Прочёл он чисто, без складов. На афише танцевала красивая женщина в бесстыдном наряде с голыми почти што ногами, скакал на лошади мужчина с совершенно тараканьими усами и вздыбливался силач, похожий на вставшево на дыбки медведя, невесть зачем взявшево в лапы всякую тяжёлую чугунину, – Што ето?

– Ето, – Я полез было в затылок – почесать, ну и за объяснениями, а потом и рукой махнул, – ето смотреть надо! Пошли!

– Первый ряд, – Важно сказал я в кассе, не смущаясь за босые ноги. Подумаешь! – И штоб рядышком!

Уселись так, што я в серёдке, Фирка справа, Чиж слева, а охрана от дяди Фимы по бокам. Народ тока-тока собирается, и по проходам ходят ковёрные, помогая им найти места и отпуская несмешные шутки.

На первом ряду чистая публика стала рассаживаться, аж-но неудобно на миг стало. Особенно когда прошла белокурая барышня моих примерно лет, с толстым господином, по-

хожим на неё. Ну то есть наоборот.

Покосилась такая на мои и Санькины босые ноги, и глаза выпучила, да ладошку ко рту. Сели как назло рядышком, да на нас косятся. Я озлился – ногу на ногу по-светски положил, да и пальцами зашевелил. Вверх-вниз, а потом и вовсе растопырил их, будто ромашку с лепестками через раз.

Та к отцу, шепчет што-то. Покосился на меня етот господин брезгливо, да и усмехнулся.

– Ряженные! Цирковые на первых рядах всегда держат несколько подставных, из своих.

Да на французском всё ето. А я и брякнул:

– Сам ты подставной, господин хороший! – Да на языке Вольтера. Засмеялись те господа, и дочка уже не брезгливо на меня смотрит, а вроде как на артиста, с интересом.

Тут парад-алле¹¹ начался. Прошли по арене все цирковые, публику раззадоривая.

Потом начались номера всякие – скушные, как по мне. Но Фирка и Санька ахали где нужно – восторгались, значица. Клоуны глупостями всякими занимались, потом лошади с наездниками, ну ето хоть интересно! Такая себе выездка с акробатикой.

Потом уже настоящие акробаты на арену выбежали, и ну крутиться! Сальто вертели всякие, друг дружку подбрасывали. А рядом клоун крутится, да передразнивает по всяческо-

¹¹ ПАРАД-АЛЛЕ. В цирке: выход на арену всех участников представления перед его началом.

му.

– Да это всякий умеет! – И голос такой пронзительный, противный, на всю арену. Те сальто-мортале крутят, клоун кувыркается нелепо, и после с важным видом раскланивается. И всё время повторяет, што ето всякий сумеет.

А потом меня за руку раз! А у меня рефлекс. На арену-то меня клоун выдернул, потому как мужчина взрослый и жилистый, а дальше всё. Он с вывихнутой рукой лежит, мордой размалёванной в пол, я на нём, руку выворачиваю, а публика хохочет.

Тьфу ты, думаю. На ровном месте в историю попал, ну што за судьба такая! Назад было засобирался, ну глянул – сидят Фирка с Санькой, глазами восторженно пялятся, ну и остался!

Клоун молодец, как так и надо продолжает. Покряхтел так, оббежал меня опасливо, отчево публика снова захохотала.

– Вот это, – Говорит, – я понимаю! Искусство джиу-джитсу! А это так...

И рукой машет на акробатов.

... – каждый повторить может!

А меня што-то закусало, ну и повторил кое-што! Так-то я не акробат, но на руках походить иль сальто с фляком крутануть, што ж тут таково для танцора хорошево? А потом в нижний брейк ушёл, да и вверх вышел, на руки. Попрыгал на руках, ногами в разные стороны помахал, с рук-то. Пуб-

лика ахает, а акробаты молодцами оказались – взяли, да и захлопали!

Назад когда с цирка шли, Ёсик задумчивый был, я даже пошутил:

– Ушёл в себя, вернусь не скоро!

Посмеялись, а Ёсик даже не среагировал на шуточку.

– Ты обучать кого будешь? – И на меня смотрит.

– Да не собирался даже! Так, Саньку малость, ну и Фиру.

– Тогда ой! – Серьёзно так говорит, – Потому как к тебе ещё до сегодня половина босяков с Молдаванки за научить придёт. Оно конечно, «нет» даже от дяди Фимы, это серьёзное «нет», не говоря уж о повыше. Но я бы лучше расстарался хоть на пару разиков в неделю, потому как Молдаванка, она такая! Но решать тебе.

– Вот же ж! – И руками себе в волосья – для стимуляции мыслительного процесса, значица. Где бы на всё это время найти!

Потому как оно хоть и лето, но за книжки забывать нельзя, не зря ж тащил!? Танцы ещё, шахматы, гитара, Одесса и вообще... Фира, например.

– Где бы мне взять секретаря и двадцать шесть часов в сутки?!

Седьмая глава

– Руки! – Скомандовала тётя Песя, и я задрал их наверх.

«– Тренировка для семейной жизни», – Вылезло из глубин подсознания.

Тётя Песя тем временем подшивала жилетку прямо на мне, што-то там намётывая и закалывая.

– Опусть. Покрутись теперь, будто танцуешь... ну как на тебя шито! И кипу давай-ка! А?

Толкнув меня к зеркалу, она замерла сзади с видом счастливой мамыши, удерживая за плечи. В зеркале отражался вроде как и Егор, но вроде как и Шломо, только што пейсов не хватает. Ну да в Одессе таких много! Да и блондинистых идишей достаточно, особенно если взять за польских или немецких.

– Ну... нормально, – Повторяю неуверенно, – То есть хорошо! Странно просто.

– Замечательно выглядишь! Всё, руки в гору!

Осторожно стянув с меня жилет, она начала подшивать его, мотнув головой в сторону двери. С облегчением ссыпавшись вниз, наткнулся на Саньку и увидел, как тот круглит глаза, тыкая пальцами.

– Чево?

– Ну точно – Шломо!

– Чево?!

– Кипу сними!

– Тьфу ты! – Рука тронула шапочку, но назло оставил её на голове. Что ж теперь, в карман пихать? – Твой черёд... Рувим!

Задолго до полудня мы были готовы. Рубашки накрахмалены так, што чуть не до картонности, ботинки начищены до зеркального блеска, головы и уши вымыты.

Свадьба!

Еврейская, и потому ни разу непривычная, но тоже – всем обществом гуляют, без особово разбора на идишей и гоев. В Одессе так, за местечки не скажу. Ну да за Одессу сами жидаы говорят, што излишне настойчивых раввинов, требующих соблюдать всё и вся, без понимания момента, они и тово, поколотить могут!

Да и как иначе-то? Молдаванка, она еврейская чуть не насквозь, но и других народностей хватает. Греки есть, русские, молдаване те же, болгары. В одних дворах живут, в одних домах нередко.

А свадьбы любые во дворах играют. Не погонишь же со стола человека, который с тобой по соседству живёт? Ну то есть погнать-то можно, но ведь и аукнется потом не раз!

На киддушин¹² или тем паче эрусин¹³ чужинцев, знамо дело, не пригласят, а так-то да!

Свадьба не так штобы очень рядом, но невеста и даже

¹² Церемония обручения.

¹³ Церемония бракосочетания.

жених каким-то дальним боком приходится родственниками тётё Песе. Закончив с жилетками, тётя Песя заметнулась в соседний двор помогать. Я засобирался было тоже, но Фира остановила тихохонько.

– Не обижайся, но ты же «вроде как» Шломо, а так-то Егор! Еда на еврейской свадьбе дело такое, што должна быть приготовлена по всем правилам, в такой день и не всякого еврея на кухню пустят!

И смотрит етак, што видно – самой неловко. Я закивал, так Фира сразу и просияла, што не обижаюсь, да с матерью и ускакала.

Мы с Санькой... ну то есть с Рувимом! Остались, да с другими вокруг да около шляемся, байки слушаем, да слухи собираем. Много народу незнакомых, страсть!

Оно ведь помимо соседей по Молдаванке, так ещё из других мест всяково народу полно. Родня, знакомцы и друзья, партнёры по всякой деятельности. Идиши, они ведь не только здесь живут, но и по всему городу, и много притом.

Нас через ето дело познакомили со всякими. Вроде тово, что мы хоть и не жида, пусть даже и в ермолках, но зато дела ведём с... Здесь палец многозначительно так задирался наверх, и собеседнику шепталось на ухо. Тайна вроде как. Все всё знают, но положено так. Етикет!

Те сразу кивают уважительно так, и серьёзно уже разговаривают, даже если взрослые совсем. Не через губу, а на равных, некоторые потом даже детишек своих для знакомства

подводили.

Обсуждали жениха, но почему-то всё больше через его почтенных родителей. Папеле держит на паях не самый маленький магазанчик, а мамеле – единственная и потому любимая дочка почтенного зубново врача. Жениху, Эхуду, предстоит унаследовать зубоврачебный кабинет, потому как на лавочку папеле есть двое старших братьев и одна сильно старшая и не сильно красивая сестрица, дай ей Б-г жениха хорошево! А жениху ейному, будущему, здоровья и терпенья побольше, потому как она на красоту не очень, а вот на характер очень даже. И на поперечность в теле тоже очень даже, да так, што прямо ой!

Невеста тоже достойная – папеле небезызвестный панамщик¹⁴, ни разу серьёзно не попавшийся за нежадность на взятки, и ныне отошедший от дел. Ну то есть отошедший ровно до того случая, когда случай не подвернётся в руки. Как ни крути, а – партия!

Утомились чуть от знакомств и болтовни, да и присели с Чижом в сторонке, в прохладце, отойдя метров за сто от суматохи и толкотни.

– Интересно, но утомительно, – Сказал дружок, сидя на кортах и обмахиваясь ермолкой.

– Ага! А самое страшное знаешь? Я ведь их понимаю!

– Говорил уже, – Вяло отозвался Санька, – языки тебе хо-

¹⁴ Панама – афера.

рошо даются, вот уже и идиш через пень колоду могёшь.

– Не! Не просто язык, а... – Я призадумался, – вообще! Говорят эрусин и нисуин, так понимаю!

– ...гой! – Вклинился громкий кто-то за низеньким забором, разговаривая на идише вперемешку с русским, – Мальчики ровесники моего Малха, так смотрю на них и думаю – может, мне ребёнка в колыбели подменили? Гляну на сынулю своего, так руки опускаются к ремню. Может, не поздно ещё нового сделать, а? Нового постараться или этого обстругать под моё надо?

Переглянулись мы, поморщились, да в сторонку пригнувшись, не сговариваясь. Это в первые дни лестно было такое слушать, пока привычки местные не поняли.

Любят здесь почему-то детей своих стыдить, и если кто из христиан лучше окажется, особенно по уму, так чуть не в нос чад етим тыкают. Но как-то так получается у них, што будто на диковинку цирковую указывают, навроде бородатой бабы.

«– Смотри! Гой, и тот лучше тебя!»

Тфу ты! Неприятно. Оно канешно, если покопаться, так и у нас тоже хватает таково, што жидам неприятным кажется. Просто когда ты в стороне от этого, то вроде как и тьфу, ерунда. А когда пальцами тыкают, так и нет.

– Ви ещё здесь? – Удивилась тётя Сара с нашево двора, наткнувшись на нас, – Переодевайтесь в праздничное и давайте сюда! Жениха с невестой скоро придут, а вы тут вот так!

Сбегали и переоделись, но как оказалось – сильно заранее. На солнце успели пропотеть, высохнуть и снова вспотеть. Ну да ладно, как и все!

Во дворе заканчивали последние приготовления, и занятые этим женщины сутились с видом паническим и невероятно важным. Даже если они все-то отмахивали мух от рыбы, то делали это так, будто жених с невестой вот прямо идут от синагоги и мечтают вслух об этой несчастной рыбе. Вот так вот идут и говорят – рыба, рыба! Мы хотим рибу! Где наша риба?!

– Орешки! С черносливой орешки где!? – Раздавалось то и дело визгливо, и очередная тётя Хая начинала свару на пустом месте, или срывалась и бежала куда-то, смешно переваливаясь телесами.

– Куры! Я тебя умоляю! Кому сказала расставить так, а он? – Руки упирались в боки, и на грешника смотрела не иначе как сама Лилит, готовая выпить душу за столь тяжкое преступление. Грешник делал ножкой булыжники двора или сварился в ответ, в зависимости от степени осознание вины и характера по диагонали.

– Сёма! Сёмачка! Иди сюда, золотце! – С оболтуса лет пятнадцати, с плечами шириной с хороший шкаф и шеей циркового борца, наплёванным платочком стиралась со щеки настоящая или выдуманная грязь, – Садись сюда, золотце, здесь тебе будет лучше видно куру и рибу. Проверь, руки до всего дотягиваются, или нужно што-то подвинуть по-

ближе? Подвиньтесь отсюда, мой Сёмачка слабенький, ему нужно хорошо питаться!

– Фотограф! Где этот фотограф!?

Упитанная женщина, близкая к невесте, за руку вытащила откуда-то фотографа с ящиком, и потащила его буксиром, взламывая толпу мощной грудью и пугающим выражением лица с несколькими волосатыми бородавками в стратегических местах.

– Снимай! – Приказала она, широким жестом указав на стол, – Мы хотим показывать потом за нашу свадьбу! Штоб ни одна сволочь, особенно дядя Исаак из Бердичево, не говорил потом, што мы пожалели за наших детей!

Фотограф повозился немного, и снял-таки ломящиеся от блюд и напитков столы с выгодного ракурса.

– Всё в ажуре, мадам! Будет не фотография, а настоящий натюрморт большого искусства! Из Лувра будут потом приезжать и вздыхать под вашим балконом, выпрашивая фотографию в музей на посмотреть, как образец настоящего одесского натюрморта!

– Я думал, это никогда не кончится, – Пожаловался Санька тихохонько, расстёгивая жилетку и поглядывая на молодых. Носатый, изрядно угреватый жених смотрелся щипаным орлом, но явно уверен в своей мужской неотразимости. В своём черном костюме из английской шерсти, он чуть не плавится под солнцем, отчего угри блестят совершенно вы-

зывающим образом, переливаясь на свету каждый по отдельности и все разом.

Невеста такая же носатая, изрядно похожая на жениха, только кожа нормальная почти што. Она в простом белом платье, достаточно скромном на вид, но как мне шепнули – ни разу не дешёвом. Да и невеста, поговаривают, не так штобы и скромная. Не попадалась, ето да! Хотя тут как сказать – могут поговаривать, а могут и наговаривать!

– Они што, родня? – Поинтересовался я у одново из недавних знакомцев. Мы все сидим отдельно – мужчины от женщин, дети до тринадцати лет от прочих.

– С одного боку троюродные брат и сестра, а с другого она ему двоюродная тётя, – Отозвался тот, – Передай курочку! Да не надо всё блюдо! Хотя так и получше. Ножку или крылышко взять?

– Бери всё, – Посоветовал Чиж, – што не съешь, то надкусаешь.

Мы с ним так и делали – не столько ели, сколько пробовали, потому как интересно. А вот вкусно не всё! Некоторые блюда такие, што прям в салфетку выплюнуть хотелось, но ничево, глотали не жуя.

Поели мал-мала, и бадхен¹⁵ бъявил увеселение невесты. Вокруг затанцевали всякое дурашливое, да салфетками для смеху машут, конфетти разбрасываются и вообще веселятся всячески.

¹⁵ Шут (тамада) на еврейской свадьбе.

Я не специально, но што-то прям так расстанцевался, што раз! И мне место дали, пляшу около невесты такой себе еврейчик еврейстый, даже руки за жилетку заткнул. А потом и вовсе разошёлся, с коленцами оттуда ещё¹⁶. Даром, што ли, тренируюсь каждый день?!

Оттанцевался, да и отошёл в сторону, на постоять в тенёчке. Оно же не обязательно за столами всё время сидеть, да подыматься только на танцы!

Стою, значица, да и слышу ненароком разговор мужчин взрослых.

– Двойру нашу, ты слышал? – Сказал кто-то хрипловатым голосом в перерывах между затяжками, – Оц, тоц! Налёт, ну и оприходовали заодно! С перевертоцем!

– Да ты шо?! Это какую? – Полюбопытствовал надтреснутый дискант.

– Да ту, што на Дерибасовской. Ну, метров за сто до Ришельевской не доходя, где вход со двора.

– Ах, эта! – Невидимый мужчина смеётся дробно, – Сколько раз колотушек принимала – сперва от бедных родителей, а потом и от мужа. Там такие аппетиты, скажу я вам, Бенья, кто там кого, ещё большой вопрос! Не молодка уже, чуть не сорок лет и внук есть, но глаза, я тебе скажу, всё такие же шалые. А помимо глаз, таки ой! Опускать уже и не хочется – бабушка-старушка как есть!

¹⁶ Так примерно я вижу танец ГГ: <https://www.youtube.com/watch?v=8tWqyjW68qk>

– Оц-тоц, – Сказал я, задумавшись, – перевертоц. Хм... А не та ли ета Двойра, за которую тётя Песя сильно не любит за так, што та обругала как-то Фиру? Грязно, вовсе уж за рамками.

Не отвечая ни на што, вернулся за стол и взял салфетку.

– Карандаш, – Протянул я руку в пустоту, пока в голове ворочались слова. Очень быстро мне ткнулось в руку искомое, и я начал набрасывать текст¹⁷.

А ничево так, а?! Не то штобы сильно умное што, но для сплясать дурашливо годится. Но сперва...

Встав из-за стола, ввинтился в толпу и нашёл тётю Песю, где и пересказал услышанное.

– Да ты шо?! – Восхитилась та, – Вот же блядина – досыта, и без греха! Смолоду на передок слаба была, но всё сходило с рук, только гонорею не раз ловила, ну да кто ей доктор?!

– Та самая? – Не отстаю я.

– А? Да, милый, она. Попробуй рыбки!

Не без труда вырвавшись из цепких рук тёти Песи, нашёл глазами дядю Фиму и представил на ево суд своё творчество.

– Никово нужного так не обижу?

– Не! – Отсмеявшись, ответил Бляйшман, – За нужных сразу могу сказать, шо все они здесь! А если кого не пригласили, так или не заслуживают нашего внимания, или уже. Смело!

¹⁷ ГГ по прежнему не любит «обкрадывать не родившихся авторов», но иногда он искренне «сочиняет» вирши «самостоятельно».

Пошептавшись с музыкантами, он вытолкнул меня вперёд и расчистил небольшую площадку.

– Молодой человек, которого вы знаете под именем Шломо, поработает немножечко за бадхена.

Запиликала скрипка, и я вышел вперёд.

Как на Дерибасовской, угол Решильевской¹⁸

В восемь часов вечера разнеслася весть:

Как у нашей бабушки, бабушки-старушки

Шестеро налётчиков отобрали честь.

Замолкнув, я заложил руки за жилетку и стал пританцовывать, пока народ перешёптывался, вводя в курс всех, кто пока не знал за налёт.

Оц, тоц, первертоц – бабушка здорова,

Оц, тоц, первертоц – кушает компот,

Оц, тоц, первертоц – и мечтает снова

Оц, тоц, первертоц – пережить налёт.

На этих словах все начали смеяться и хлопать.

– Двойра! – Заорал кто-то из подвыпивших мужчин, – Я в этой песне вижу её как наяву!

Кланяюсь и продолжаю:

¹⁸ Авторами номера были одесские поэты Яков Соснов, Яков Ядов и Мирон Ямпольский; в какой степени каждый из них причастен к созданию конкретно этой песни – неизвестно.

Бабушка вздыхает, бабушка страдает,
Потеряла бабка и покой и сон.
Двери все открыты, но не идут бандиты,
Пусть придут не шестеро, а хотя бы вчетвером.

На этих словах так обсмеялись, што танцевать чуть не
пять минут пришлось, пока мал-мала не успокоились.

Не выходит бабка вечером на улицу
Принимает бабка на ночь порошок
Под вечер вытаскивает жареную курицу
Пусть придут не четверо, хотя б один пришел!

– Причём любой! – Заорал всё тот же мужчина, – Не бу-
ду говорить за кого, но в здесь есть таки люди, навещавшие
Двойру с визитами за отсутствием мужа!

Не гуляют бедные, и не спят, молодчики,
Не пугают бабушек, к ним врываясь в дом.
Не кутят с девицами эти злоналетчики,
Принимают доктора сразу вшестером.

Тётя Песя при этих словах чуть себе ладони не отбила, так
хлопала. А то! Когда твою врагиню вот так вот, прилюдно,
но всякой бабе приятно!

Как услышал дедушка за бабушкиных штучек
И не вынес дедушка бабушкин позор,

Он хватает бабушку за белые ручки
И с шестого этажа скинул на забор.
Оц, тоц, первертоц – бабушка здорова,
Оц, тоц, первертоц – кушает компот,
Оц, тоц, первертоц – и мечтает снова
Оц, тоц, первертоц – пережить полёт.

Песню пели несколько раз, уже всем двором, напугав всех котов нестройным хором. Пели и танцевали, а потом сильно нетрезвая мать невесты долго прижимала меня к пышной груди и называла несчастным мальчиком, которому бы родиться в правильной еврейской семье, а вышло вот так!

– Резко ты незнакомого человека, – Негромко сказал Санька.

– А чего она?! Фирку нехорошо...

– Даже так? Ого!

– Да вот, – Развёл я руками, – Так оно вот...

Восьмая глава

Вышли ещё затемно, до восхода солнца чуть не целый час. Ёсик с близнецами тащились сзади, время от времени тяжко, с подвыванием, зевая и ругаясь иногда негромко, когда под ноги попадалось разное. Мы то с Санькой ничево так, деревенские всё ж, привыкшие вставать не што с петухами, а и пораньше. Бодрячком держимся, только што темновато идти проулочками здешними.

Вокруг Лёвка крутится, не затыкаясь ни на секунду. Говорливый мальчишка! Младше нас всево на год, но такой любимчик мамин, да со старшими братьями, што кажется вовсе уж малявкой. Умом понимаю, што ето не он малявка, а мы с Санькой повзрослели до срока, но вот так вот!

Размахивая руками, Лёвка рассказывал о прелестях ловли бычка и о ево разновидностях, которых прямо ой! И все вкусные. Забавный мальчишка, и даже внешность такая, чудная. Сам светленький, как настоящий ашкеназ, но носатый и лупоглазый притом. Вот смотришь на него и кажется, што смеху ради волосы свои кудрявые покрасил. Ну и так, руками тоже бойко махает. Смешной!

Вышли через Дюковский сад на Балковскую, и Лёвка потащил нас было через дворы, но мы вопровтивились. Ето он, зараза лупоглазая, впотьмах как мышь летучая видит, а мы спотыкаемся! На Балковской хоть фонари горят нечастые, да

свет из окошек в домах. Длинней путь получается, чем через дворы, но и ноги с глазами ломать не надобно, быстро можно идти.

– До Практической сегодня дойдём, – Деловито решил Лёвка, нюхая воздух, и добавил непонятно:

– Ветер сегодня такой.

Спорить с человеком, который ходит на бычка лет с пяти, мы не стали, да и зачем? Мы ж так – для души, а не для сковородки!

Практическую гавань обошли чуть не вокруг, и по пути Лёвка здоровался нетерпеливо с редкими годками. Обошли, да и спустились на волнорез, где и затихли ненадолго, глядя на поднимающееся из моря красное солнце.

– Красотища, – Протянул Санька, спустившийся к основанию волнореза.

– Ага!

Минут через несколько, насадив на крючки мелких черноморских рачков, мы уже размахивали самодурами из шпагата как лассо, почти на манер ковбоев из Дикого Запада, пытаясь забросить их подальше. Крючки, украшенные ничтожными лохматушками, со свистом резали воздух, и потому как мы с Чижом ни разу не мастера в этом искусстве, остальные при наших размахиваниях опасливо отходили в сторону.

– Подёргивай, подёргивай! – Азартничал Лёвка, страшно переживая за нас. Я послушно подёргивал, подводя снасти

потихонечку к берегу. Наконец, вытянул самодур, на котором болталось с десяток мелких рыбёшек.

– Ну...

– Нормально! – Подбодрил меня Ёсик, – Песковики хоть и мелкие, зато и самые вкусные! На сковородке потом, да с баклажанами с чесноком! Это, я тебе скажу, вещь!

Бычков нанизали на кукан и опустили в волны, только одного из них Лёвка велел кинуть наглым здешним котам, крутившимся меж нами.

– Положено так, – Туманно пояснил он, – для удачи и вообще.

– Мрау! – Требовательно взмывкнул один из котов, глядя на меня жёлтыми глазами.

– Со следующей проводки одна рыбёшка твоя! – Пообещал я ему, нанизывая крючки чуть подваренным мясом мидий. Лёвка всякой наживки сегодня взял, вроде как напоказ нам. Подваренные, они на крючок нормально садятся, а сырые такие склизкие, што заместо мидий свой палец проще насадить.

Взмах палки-удилища, и самодур со свинцовыми грузилами улетает далеко в море.

Начали подтягиваться прочие рыбаки, на которых Лёвка смотрел презрительно, как на засонь. Ишь! После солнышка из дома вышли! Вперемешку с разновозрастной детворой, чуть не от пяти лет, на волнорезе проходили и старые деды, которые по возрасту не ходят уже в море на лодках, а поры-

бачить ещё охота.

– Рачки! – Пробежал чуть поодаль голопузый малец, только што набравший под камнями мелких черноморских креветок под наживку, – Кому рачки!

Один из дедов, ссутулившийся чуть не в три погибели, тут же подозвал ево, и долго ковырял на ладони мелочь, щурясь на неё близоруко. Малец, получив денюжку, пробежался по желающим, и освободившись от рачков, спрятал мелочь где изнутри штопаных порток, подкатанных под самую задницу, и тут же наново полез за новой партией наживки.

Рыба клевала дуриком. Мы Санькой хоть и надёргали меньше всех, но на двоих чуть не пятнадцать фунтов поймали. Да не только бычка, и других нескольких рыбёшек, про которые сказали, што съедобные и даже вполне себе вкусные.

Остальные наши рыбачили уже больше на котов, которые десятками вились меж людей, требовательно взмывкывая и устраивая иногда короткие потасовки за рыбёшку.

– Хватит, – Неохотно сказал Лёвка, тяжело вздыхая, – мы ж не на продажу!

– И то, – Соглашаюсь с ним, не без труда укрощая азартность, – чуть не весь двор наловили, будя!

Назад пошли через Торговую, так полпути почти напрямки получается, ну а дальше и проулочками можно по светлышку. Рано ещё совсем! Девяти утра нет, а мы уже назад идём. Хотя и встали ранёшенько, так што вот!

Мы с Санькой, штоб в рыбе не замараться и не доставлять потом тётё Песе хлопот с нашей стиркой, кукан на палку удилищную подвесили, да и вдвоём на плечах несём. Только низ куканый туды-сюды болтается, по босым ногам, аккурат пониже закатанных штанин.

Ёсик с Лёвкой наперебой рассказывают за Торговую улицу – што где, и вообще как.

– Высшие женские курсы, – Мотнул головой Ёсик в сторону здания, куда как раз подходили барышни и подъезжали экипажи, – Такие, я тебе скажу, невесты!

Почти тут же раздался визг, и барышни начали разбегаться. Из экипажа, стоявшего поперёд всех, выскочили двое в полумасках, и схватили какую-то отчаянно брыкающуюся девицу. Третий из них в это же время, с силой дёргая за уздцы, вывел на середину дороги два экипажа, напрочь перегородив её с одной стороны, да застрелил животин из большущего револьвера.

Стрельба, визги, ржание бьющихся в конвульсиях лошадей и треск ломающихся экипажей!

Откуда-то из магазинов выскочил молодой человек, по виду конторщик из небогатых, и стал стрелять в сторону похитителей, встав в дуельной позе, и даже одну руку за спину заложил!

За стрельбой мы наблюдали уже с земли, на которой я распластал Лёвку, а Санька, чуть с запозданием, дёрнул вниз вставшево с открытым ртом Ёсика. Близнецы отчаянно ру-

гались на идише за отсутствие оружия, но не геройствовали за чужих людей, а мирно лежали на мостовой.

К конторщику тем временем присоединилось ещё несколько людей – не только сзади, но и спереду, и стрельба началась вовсе уж заполошная и бестолковая. Хлопки выстрелов, визг барышень и цвирканье рикошетирующих пуль по камням. Жуть! Жуткая жуть, вот ей-ей!

Перестрелка тем временем набирала обороты, и у троих бандитов нашлись сообщники. Они, наверное, на всякий случай были, а тут такое дело пошло, што не за барышню думать надо, а за своих дружков-подельников!

Я тока отползать задумал назад, как слышу – топочут сзади. Оборачиваюсь – дверь на меня бежит. На ножках! И красный крест на двери етой намалёван. Напугался! Чуть не сильнее стрельбы етой чортовой!

А дверь такая – бух около меня! И из-за неё мужик выглядывает чернявый. Из южан таких, у которых возраст не разберёшь – то ли двадцать пять ещё, но заматерел так рано, то ли сорок уже, просто сохранился здоровски.

За ногу к себе подтянул, как лягушку, прижал, и задом пятится к магазинам. Вкинул в магазин, и заново, теперь уже за Лёвкой. Минуты через две все в безопасности стали, в здании-то.

Приказчик бледный, но решительный такой, у двери с дробовиком коротким сидит, и на роже прям написано, што вот не подходи! Суровый такой дядька, даром што одна нога

деревянная. Этот могёт!

Я успокоился сразу, и глазами вокруг. Магазин писчебумажных принадлежностей, я здесь уже покупал всяко-разное.

– О! – И к сборнику гитарному ноги меня сами подняли.

– Почём? – Спрашиваю.

– Тридцать две копейки, – Ответил приказчик, чуть покосившись одним глазом.

– Заве... ну то есть как закончится, тогда да!

– Тьфу ты! – Засмеялся южанин тот, – Узнаю Одессу-мату.

– Коста! – И руку протягивает.

– Ну... Шломо! – Жму мозолистую грабку, явно привычную к веслу и канатам.

– Рувим, – Оживился Санька, подойдя поближе. Коста хмыкнул и рукой так крестик вывалившийся из-за пазухи взад ему.

– Как же, наслышан! Вот те крест, да?

Как мы дали хохотаться, так и отпустило все потихонечку, да и стрельба закончилась уже. Парни молдаванские представились тоже, да со всем вежеством. Я сразу и смекнул, што хоть Коста и одет по-простецки, но человек он из уважаемых.

– Всё, – Приказчик, который Сергей, выглянул наружу, – разбежались бандиты, полиция вон подтягивается.

– Ну и мы пойдём?

– Да, – Хмыкнул Сергей и захромал внутрь магазина, по-манив нас за собой, не выпуская дробовик, – чёрный вход так.

– Погодьте! – Лёвка ласточкой метнулся на улицу и почти тут же вернулся с куканами, – Вот, забыли!

Мы с Ёсиком только переглянулись мрачно. Вот же... малявка! Но храбрый.

Дома, пока тётя Песя чистила рыбу во дворе, мы рассказывали о приключении под аханье собравшихся. Фира крутилася вокруг мрачнее тучи, явно завидуя интересному.

– Ды ты шо!? – Тётя Сара, помогая чистить рыбу, прижала к фартуку на груди испачканные в чешуе руки, – Вот так прямо и выскочил, с пистолетом?

– Ага! – Я показал, как тот конторщик целится, так же заложив руку за спину.

– Дурачок, но умный, – Непонятно отозвалась тётя Хая, которая Кац, а не та, што Рубин, а в девичестве Коэн.

– А?

– Под пули лезть, да наперекор бандитам, оно как бы и глупо, – Пояснила та, – А с другой и молодец! Внимание на себя обратил, и если вовсе уж не оплошает, то быть ему через пару недель при предложении о хорошей должности, а чуть погодя и хорошей невесте. Таких решительных некоторые и ценят.

Рыбу жарили и ели здесь же, во дворе, под баклажаны и

пейсаховку, ну это уже только для взрослых. К нам присоседились Ёсиковы и близнецовы родные, да и Лёвкины подошли. Такой себе нежданный праздник получился, всехний. Не каждый ведь день в стрельбу интересную попадаешь, да ещё и так, чтоб без убытков, а вспомнить што имеется.

Пересказывать всё по десятому разу кряду надоело быстро, и налупив пузо до барабана, я переоделся в нормальное, да и улизнул в парк. Фира паровозиком прицепилась ко мне, с явной надеждой на интересное, но вот фиг ей! Мне такого интересно и на Хитровке хватает, я в шахматы пошёл!

Подхватился и Санька, да и остальные, только мимо Лёвки, который сейчас затискивается мамеле, которая ево то целует на радостях, што жив остался, то ругмя ругает за авантюренность дурную. Ишь, за рыбой он кинулся! Помахали мы ему на прощанье, поймали тоскливый взгляд, да и сбежали.

– Што за такое, с девицами-то?

– Сволочи, – Сплюнул Ёсик, – Да не смотри ты так скептически! Я босяк, но из порядочных – сам живу и другим не мешаю, как мой папеле завещал. Честный человек чем зарабатывать может, если себе на пропитание и другим если не на пользу, так хоть не во вред? Контрабанда товарами, на которые таможенные акцизы задраны или вовсе запрет царский. Подделки там, панамы аккуратные, чтоб без насилия. Такое всё, деликатное.

– А эти! – Ёсик снова сплюнул и продолжил под одобри-

тельные кивки близнецов, – Выйдут на дело раз, мокрушники чортовы, так потом хоть и да, а хоть и нет, а всю Одессу лихорадит за этими поцами! Наши там если и есть, то как не наши, без общины работают!

По дороге до парка Ёсё и близнецы вводили нас в курсы здешних похитителей. По всему выходит, што люди ето во все уж нехорошие.

«– Беспредельщики» – всплыло в голове с переводом.

– Ты за расслабиться пришёл или заработать? – Уточнила Фира, когда подошли к шахматистам.

– Севодня, – Почесал я нос, – только расслабиться и получится, потому как своё напрячься я с утра уже получил. Хорошо, што напонила!

Вытащив кошелёк, отсчитал себе пять гривенников, да и отдал остальное Саньке на похранить. А вдруг азарт?! Я сюда зарабатывать пришёл, а не тратить!

Девятая глава

– За рыбой с утра не жрамши ходить нужно, – Получала нас тётя Песя, шествуя в середине нас, штобы всех видеть и не отпускать глазами Фиру. Здоровенный кусок булки, намазанный всяким вкусным и впихнутый каждому, за завтрак ей не считался, потому как не за столом же, как положено! Так, кусочничанье.

– Рыбаки свеженькое подвозят, и риба не уснувшая ещё почти, трепыхается, иногда даже сама, а не руками!

– А што ето твоя мама рыбу то нормально, то рыбой? – Поинтересовался я негромко у Фирки, подойдя поближе.

– С русского на наш перескакивает, – Ответила та негромко, повернув голову, – Ну, как у тебя! Ты ж когда разговариваешь, то кофЕ, а когда читаешь вслух для риторики и постановки речи, то кофЭ.

– А! Ну да, ну да!

Болтая о разном и слушая то тётю Песю, то тётю Хаю, которая Рубин, а не Кац, перешли Дюковский сад и спустились через Балковскую до Разумовской, а там проулками до Малой Арнаутской и через Покровскую церковь до самово Привоза. Женщины то и дело окликали знакомых и останавливались на поболтать, отчево не самый длинный путь растянулся чуть не на час.

– Рынком пахнет, – Авторитетно заявил Санька, привстав

на цыпочки и нюхая воздух.

«— Помойкой» — Вылезло в голове, на што я даже озадачился малость, где ж иначе-то бывает?! Везде хлам всякий навален и нет-нет, а сцут чуть не меж прилавков, если кому приспичило.

Кучи наваленной у входа жухлой зелени, фруктов и овощей, которую как только, так сразу и вывезут! Потом. А пока над ними кружатся толстые, ленивые и добрые мухи, пьяные от забродивших фруктов, да шальные полосатые осы, суетливо мечущиеся по своим делам и время от времени врезающиеся в прохожих.

Поодаль, у мясных павильонов, где тётя Хая решительно устроила нам экскурсию через поджатые губы тёти Песи, ос и мух чуток поменьше, но здесь они уже злые, хищные. Вокруг тяжёлые запахи свежего мяса и плохо смытой крови от птицы и мелкого скота в резницах при павильонах.

По ногами везде гранитный щебень, што вроде как и хорошо, потому как не стоят вонючие лужи. А вроде как и не очень, потому как щебень етот будто насквозь пропитался всяким разным, не хуже губки. Такой себе душок с тухлинкой.

Наконец дошли до рыбных рядов, которые новые, и тётя Песя, подхватив Фиру для надо, двинулась по рядам, как знаток и на поговорить.

— Учись, Фирочка! — То и дело восклицала она, переворачивая рыбную тушку и указывая, на што нужно обращать

внимание, – Когда-нибудь и ты пойдёшь через рынок выбирать рыбу мужу и деткам! Так што если хочешь видеть их потом бодрыми, упитанными и весёлыми, а не грустными и на горшках, то учись сейчас!

– По три, но большая, – С видом бабы-сфинкса тыкала продавщица в скученную по разные стороны рыбу перед желчново вида дедком в старом чиновничьем мундире из тех, которые носили лет двадцать, если не тридцать назад, – а это свежая, но по пять!

– А так чтобы свежей, и по три? – Вопросил тот, чуть не втыкивая бугристый нос в кучи и принюхиваясь безуспешно, потому как табачищем он нево разило так, что даже осы шарахались.

– Маладой челавек! – Выпрямилась продавщица, – Если вы имеете што сказать за дело, это одно, но где вы видели такое счастье? Во сне у Ротшильда? Идите себе сниться мимо, а то получите-таки счёт за богатый сон, штоб ви были здоровы!

Фыркнув презрительно на качающевося под тяжестью аргументов дедка, прошествовала мимо тётя Песя, которую вот так вот не выйдет! Мы просеменили за ней, пытаясь держаться если не в кильватере, то хотя бы рядом.

Мадамы пошли по рыбным рядам по траекториям здешних мух, метаясь во все стороны и по нескольку раз возвращаясь назад – для поторговаться и сунуть нос ещё раз.

В один из моментов Санька, совершенно уже ошалевший

от шума и впечатлений, оказался прижат к прилавку, и толстая тётка-продавщица с могучей грудью, тараном выдающейся далеко вперёд, пхнула рыбой ему под нос, как для аргумента в споре с тётей Песей.

– Ну! Чем пахнет!?

По толстому, мясистому её лицу текли крупные капли мутноватого пота, скапывая с подбородка и кончика носа.

– Ну?!

– Свежей вроде как рыбой, – Послушно принялся тот, – и несвежей одесситкой.

– Ах ты... – Под хохот товарок, пересказывающих удачную фразочку всем желающим и не очень, замахнулась та рыбой.

– Мадам! – Вылез вперёд я, – На минутку успокойтесь! Когда мы отойдём подальше, можете продолжать нервничать, можно даже буйно!

– Несвежий у твоего папки в штанах был! – Перешла та границы.

– Мадам! Успокойтесь! – Я одёрнул за рукав тётю Песю, решительно выступившую было вперёд и готовую к интересной сваре, – Вы таки свежая одесситка, он берёт свои слова обратно! Просто бывает свежесть первая, а вы таки вторая!

– Мадам! – Я уклонился от рыбы, попавшей в морду лица какой-то молодухи, – Не метайте икру вместе с рыбой!

– Мамзель! – Сорвав картуз, кланяясь по д'артаньяновски молодухе, одновременно удаляясь от прилавка, пытаюсь при

етом не столкнуться с прохожими, – Прошу прощения, но я таки думаю, што у вас не было ни шанца в етой баталии! Зависть злой женщины второй свежести к той, чья свежесть ещё долго будет первой, а доброта несомненной, безгранична!

Светящаяся от доставленного удовольствия, тётя Песя выдернула нас решительно на другой конец, где и заторговалась так, што там сдались чуть не вначале торговли.

– Скидочка за ваших учеников, Песса Израилевна, – Подмигнула молодая и довольно-таки красивая, закутанная в чёрные платки гречанка, и тронула меня ласково за щёку, отчево Фира засопела сердито и взяла под руку.

К выходу пошли зигзагом, через овощи. Тётя Песя с тётей Хаей встали на поговорить со встреченными знакомыми, сторожа рыбу, а за помидоры назначили Фиру.

Пробежав по рядам, та остановилась напротив бабки с рядком помидорных корзин.

– Помидоры сразу хорошие или мне таки поторговаться? – Осведомилась Фира, перебирая красные бочки.

– Да мне не к спеху, внученька, – благодушно отозвалась бабка, устраиваясь поудобней и протирая рукавом помидорку, – можешь и устроить спектаклю! Понравится, так и скину чутка!

Дёрнув щекой, девочка двинулась дальше. Несколько раз она принималась торговаться, перебирая мало не всю корзину и давая мне на попробовать, протирая чистым платочком.

– О! Коста! Коста! – Замаха я руками знакомцу, шествовавшему по рынку с симпатичной молодой женщиной под руку. Тот заулыбался, и повернув голову, сказал што-то погречески своей жене.

Нас представили, и я с восторгом пересказал Софии все перипетии недавнего дела, особенно про то, как напугался двери на ножках. Та засмеялась, показав ненароком жемчужные зубы.

– Приходите, – Сказала наконец София, называя адрес, – будем рады!

– Непременно! А когда именно вы будете рады?

Женщина снова засмеялась, прижав к губам кончик платка, и вместо неё ответил Коста:

– Послезавтра будем особенно рады! К вечеру.

Раскланялись, да и пошли на выход, до тёти Песи.

– С Костой Моряком задружились? – Радостно удивилась тётя Песя, – Вот же дети! Оставишь их одних на минуту, так они непременно во што-нибудь интересное ввяжутся!

– Ма-ам!

– Ой, доча! – Замахала та руками, – Это я так, хорошо всё! Достойный человек, пусть и немного контрабандист!

* * *

– Да, Ваше Императорское Высочество! – Вытянулся Трепов, – И одновременно нет. Позвольте объяснить?

Обер-полицмейстер разложил на столе бумаги.

– Толчком к разгадке послужили ваши слова о несомненно умном и опасном враге, – Начал Дмитрий Фёдорович, – до того момента мои подчинённые, да и признаться – я сам, склонялись больше к дикой выходке кого-нибудь из просто-народья. Всё очень грубо и вроде как примитивно, но приглядевшись, мы поняли, что примитивность эта кажущаяся, а едва ли не наскальными рисунками скрывается школа.

Великий Князь кивнул согласно, поощряя замолкшего было подчинённого.

– Все эти новомодные течения живописи, знаете ли... – Обер-полицмейстер чуть смущённо пожал плечами, как бы говоря, что не очень-то разбирался в этом, – но пришлось разгребать эти Авгиевы конюшни от искусства, дабы не упустить какие-то детали, незначительные на первый взгляд.

– Расследование, – Обер-полицмейстер перевёл дух, – на первый взгляд оказалось простым, и я порадовался было за свой интеллект и мастерство подчинённых, но вовремя вспомнил ваши слова.

Великий Князь задумчиво и чуточку самодовольно кивнул, оценив тонкую лесть.

– Умный враг! Умный и расчетливый! Неудавшиеся живописцы и писакы, пытающиеся свергнуть с пьедестала как классическое искусство, так и власти, не спешащие давать им звания академиков и ставить прижизненные памятники, не новы. Не оценили их, так сказать, гениальности? Так сго-

ри же, проклятый старый мир!

Дмитрий Фёдорович достаточно неожиданно провыл последнюю фразу в духе полумистических самодеятельных пьесок, отчего Великий Князь смеялся чуть не до слёз.

– Да, очень похоже, – Согласился он, промокнув глаза.

– Да, Ваше Императорское Высочество. Потому и настояжился. Публика эта, несмотря на великую любовь к тайнам, языка за зубами держать не умеет совершенно. Не для того они совершают подобные... акции, чтобы молчать. Слава! Вот что ими движет. Пусть даже и дурно пахнущая.

– И вот вся эта публика, жаждущая признания, молчит! Намекают на причастность, но при осторожных расспросах теряются в деталях. Но такой подбор символизма и пусть даже нарочито примитивной, но всё же школы живописи, не может быть случайным!

Трепов вздёрнул подбородком, хищно закаменев лицом.

– И вот тут я снова вспомнил ваши слова. Умный враг! Враг, вхожий в круги излишне либеральной интеллигенции, но по факту не являющийся таковым.

Обер-полицмейстер пододвинул к Великому Князю две папки и открыл.

– Дальше, – Развёл он руками, – без вашего ведома расследовать не можем.

Сергей Александрович открыл папки и бегло пролистал бумаги, сделавшись задумчивым. Обер-полицмейстер «споткнулся» на именах людей, составляющих Двор, притом до-

статочно влиятельную его часть.

Ниточки от них могли вести как за границу, так и в Дом Романовых. Впрочем, одно не исключало другого, Романовы давно перестали быть единым монолитом, и грызня за реальную власть в Доме шла нешуточная, с использованием как служебного положения, так и с опорой на возможности иностранных доброжелателей.

– Я покажу ваши выводы Государю, Дмитрий Фёдорович, – Задумчиво сказал Великий Князь.

– Благодарю, Ваше Императорское Высочество! – Вытянулся было Трепов, но патрон еле заметным жестом показал ему на кресло, и обер-полицмейстер наконец-то расслабился. Опала снята!

– Итак?

– Провокация, Сергей Александрович, – Устало ответил Трепов, – грандиозная и сложная многоходовка, вот поверьте моему чутью! Одним мазком широкой малярной кисти ухитрились измазать меня, вас и самого Государя. Рубить с плеча в таком деле не стоит, хотя и ох как хочется! Я пытался анализировать ситуацию, играя не только от нас, но и от наших неведомых противников, и по всему выходит, что резкие движения делать противопоказано, потому как ловушки противников уже расставлены.

– Так что, – Поинтересовался Великий Князь, чуть нахмурившись, – показать отсутствие реакции?

– Да, Сергей Александрович! – Выпрямился в кресле

обер-полицмейстер, – Но только показать! Расследование, если будет на то воля Государя, продолжить, но настолько аккуратно, насколько это вообще возможно. А потом ударить разом! К тому времени расставленные на нас капканы изрядно заржавеют, а личности большинства недоброжелателей будут установлены, как и степень их вовлечённости.

– Я доложу ваше мнение Государю, – кивнул Великий Князь.

– Благодарю, ваше Императорское Высочество!

Сев в крытый Экипаж, Трепов обмяк и прикрыл глаза, позволяя себе не думать ни о чём. Вывернулся!

Не искажая факты, обер-полицмейстер интерпретировал их самым выгодным для себя образом, показав ниточки, ведущие ко двору. Никого это не удивит – подумаешь, одной интригой больше! Двор не раз обыгрывался в анекдотах и карикатурах, сравниваясь с гадючьим кублом. Не ново!

А там, зная нерешительность Государя, можно надеяться на постепенно забвение дела. В памяти императора останутся осторожные намёки на участие в сём инциденте лично неприятных ему людей, да память, что недоброжелатели хотели замазать не только его, Николая, но и верного кузена Сергея, а так же преданного слугу Трепова. Да-с... вместе!

Десятая глава

Вкусно отобедав и немного подремав днём, проснулся в самом што ни на есть хорошем настроении, отдохнувший и свежий. Потянувшись с зевком, разбудил Саньку, тут же севшево на топчане.

– Эх! – Зевнул он, – Жить хорошо!

– А хорошо жить ещё лучше! – Поддержал я ево. Умывшись, выскочили во двор, и почти тут же сверху донёсся пронзительный голос Фиры:

– Давайте наверх, мама вкусное к чаю напекла!

На широкой веранде сутилась тётя Песя, накладывая на широкое медное блюдо посреди стола подоспевшую выпечку.

– Кушайте, деточки, кушайте, што ви били здоровы! Молодым и растущим организмам нужно много, вкусно и полезно кушать для строительства клеточков тела!

Она попеременно гладила по голове вкусно пахнувшей рукой, то нас с Санькой, то своих. Мелкие Фирины братья ещё не проснулись толком, и лупали на нас сонными глазами.

– В парк? – Поинтересовалась Фира, дуя на чай.

– Угу. В шахматы со Львом Сергеевичем договорился на севодня.

– Я с тобой? – И ресницами хлоп!

– Да хоть с братьями вместе, – Благодушно киваю я, – толь-

ко штоб не слишком близко, а вокруг.

– Ма-ам!?

– Ой, да на здоровье! – Всплеснула руками тётя Песя, – Хоть на каждый день такое счастье! Я своих сыночек очень люблю, но иногда хочется любить их издалека. Сейчас денежек немного на...

– Тётя Песя!

– Ой! – Меня обняли сзади, вжав затылок в объёмистую грудь, – Я забываю иногда, што ты таки Егорка, а не Шломо! Гуляйте отсюда и то самого вечера! Верните мне их тихими, нагулянными и засыпающими на ходу. Можно даже не очень чистыми, это я с болью в сердце, но таки переживу.

До парка собирались только мы с тётя Песиными, но как-то так оказалось, што ещё до выхода из Молдаванки до нас присоседились пыхтящие и дожёвывающие на ходу што-то вкусное с чесноком близнецы. Затем был Ёсик, Лёвка со своими знакомцами, и ещё целая куча разнокалиберново народу.

– То ли переезд цыганского табора, то ли парад алле, – Смеялся Чиж, оглядываясь на тянущуюся за нами процессию.

– Скорее уж исход с Молдаванки головной боли и счастья тамошних мамочек, – Философски сказал Ёсик.

– А вечером заход будет! – Засмеялась Фира.

– Оно как бы многовато для нашево присмотра, – Озада-

чился я.

– А! – Махнул Рукой Ёсик, – Это не присмотр, а за компанию! Не берись отвечать за тех, за кого тебя не просили.

– Да и если просили, – Добавил Товия, – тоже не очень и берись. А то быстро окажешься в положении цыганской лошади, которая на празднике вроде как и в цветах, а жопа всё равно в мыле, и глаза навывкате.

Парк встретил нас прохладой и медвяно пахнущими тягучими каплями тлиной росы, срывающимися с деревьев. Падая на горячие камни, они пахли кондитерской, леденцами и мёдными рядами на рынке. Рот наполнился слюной и остро захотелось чево-нибудь сладково, вслед за выпасавшими тлей муравьями.

Время и Лев Сергеевич ещё терпят, так што прогулялись немного по парку, задержавшись у небольшого пруда с островком посредине и ведущим туда мостком. Несколько пожилых одесситов кормили хлебом плавающих там уток и лебедей, отчево моя деревенская натура в очередной раз ажно взвилась на дыбки. Хлеб вот так вот... зажрались!

– Ето не прецедент на всё время, а от хорошево настроения на севодня, – Предупредил я громко, покупая мороженное на всю толпу.

Денег мне не жалко, потому как есть они, деньги-то. Да и вокруг не то штобы вовсе чужие люди, а всё свои, наши, да почти што. Другое дело, что с идишами часто слабину давать

нельзя, потому как пользуются безо всякого стеснения.

Давать же укорот и вообще – понимать, когда лъзя и нужно, а когда совсем не душеспасительно, я пока не умею. Через Фиру и тётю Песю понимать учусь здешнее што, где и через почём, и как ето што не только для других, но и себе на пользу.

Оно можно и даже нужно и со здешними благотворительностью заниматься, но через понимание. Если нет, то только смешочки в спину и добро в воду. А когда понимаешь и соответствуешь, то даже и через годы благодарность тебе будет.

В общем, сложно всё! Но полезно и местами даже интересно. Такие себе психологические шарады.

На подходе к условленной лавочке кышнул прочих, да и вручил Саньке и Фире по полтиннику на развлечься. Фира стесняется брать, но вроде как и нравится – не деньги, а иное што, бабье. Я ето не понимаю, а так, чувствую.

Санька проще – поначалу дичился, а потом я пояснил, што он мне брат. Так-то родня мы дальняя, но он ещё и дружок первеющий, проверенный по-всякому, да и побратались кровно на Хитровке уже. Сейчас я в помогальщиках, а што там через десять или пятьдесят лет, ещё и неизвестно. Да и не дело ето, деньгами промеж родни чиниться!

Лев Сергеевич подошёл чуть запыхавшийся, обтирая на ходу потное лицо клетчатым носовым платком с монограм-

мой.

– День добрый, Шломо.

– Добрый день, Лев Сергеевич.

– Прошу прощения за опоздание, – Повинился он, подёрнув модные штаны из чесучи¹⁹, и присаживаясь на лавочку, – Встретилась знакомая дама и вцепилась английским бульдогом.

– Ничего страшного, такие дамы как стихийное бедствие, нужно просто смириться и переждать. Ну или бежать стремглав со всех ног, едва завидя приближающуюся грозу!

– Не с моей комплекцией от грозы бегать, – Мужчина хлопал себя по объёмистому животу, – ну-с...

Мы погрузились в шахматную баталию, не забывая переворачивать песочные часы. Ходить по жребию выпало мне, и я выбрал староиндийское начало, дебют флангового типа, атаковав сильную сторону противника с центра доски.

Оба свои ходы записываем – для анализа и вообще. Я так-то неплохой шахматист, но часто беру не анализом, а памятью оттуда ещё. Раз! И всплывают интересные комбинации, знакомые по прошлой жизни. Потому и записываю, што оно как из памяти вылетело, так и обратно влететь может.

Атаковав место D5, я взял его под контроль через слона, и довёл игру до логического победного финала.

– Да за такую игру никаких денег не жалко! – Лев Сер-

¹⁹ Разновидность шелка. Чесуча является очень ноской, воздухопроницаемой и гигроскопичной тканью.

геевич подвинул мне рублевик и протёр лицом платком, – Азарт, яростный напор, риск, и великолепная кульминация!

Я надулся от такой похвалы жабой, но походу, Лев Сергеевич меня сглазил и следующие партии я продул, причём две почти што позорно.

– Так-с, – Азартно блестел он глазами и потным лицом, выстраивая ловушку под негромкие разговоры собравшихся вокруг нас болельщиков, – и мат! Да, брат, расслабился ты сегодня! Ещё?

– Ну... да! Только давайте договоримся сразу! Ви таки пришли сюда расслабляться и получать удовольствие от игры, а я – от заработка. Так что пусть каждый из нас получает своё удовольствие, и не лезет в чужое!

Лев Сергеевич басовито захохотал, мотая головой.

– Ох... не обещаю!

Похоже, Лев Сергеевич всё-таки расслабился, ну или я малость напрягся, так што вскоре игра пошла через моё удовольствие.

– Перерывчик, Лев Сергеевич? – Тру виски, – Похоже, голова от мыслительных процессов перегрелась.

– Добро! – Кивнул он, зашарив глазами по болельщикам, – О, Всеслав Игоревич! Не откажете в партии?!

– С превеликим удовольствием, Лев Сергеевич, – Охотно откликнулся пожилой одышливый мужчина, присаживаясь на нагретое место, – по гривенничку для начала? Боюсь, ваш накал страстей для меня излишне разорителен!

Оставив шахматистов, отхожу в сторону, бренча в кармане выигранными деньгами и выискивая глазами своих. Фира расположилась чуть в стороне от аллеи, заняв братьев и парочку ребятшек постарше каким-то ботаническим ползаньем по траве. То ли гербарий собирают, то ли жучков.

Ёсик с близнецами, Лёвкой и парой других ребят в карты устроились на щелбаны. Прямо на траве расселись, по туркски.

Санька с другой стороны от Фиры, подальше от мелких, потому как с книжкой, чтоб не мешали. Пристрастился к хорошей литературе, значица. Читает хоть и медленно, мало што не по складам, зато и память!

Сидит с книжкой на коленях, и... чиркает што-то? Подошёл сзади, да и наклонился через плечо – рисует, как есть рисует! И здорово ведь получается! Ну то есть если понимать, што он вообще никогда раньше не рисовал и навыков ну просто вот никаких! Я когда с Юлей жил, научился разбираться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.